

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

МОРПЕХ

ПОДМОГА ПРИДЕТ!

Военно-историческая фантастика

Олег Таругин

Морпех. Подмога придет!

«Махров»

2022

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Таругин О. В.

Морпех. Подмога придет! / О. В. Таругин — «Махров»,
2022 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-160857-6

Четвертая часть цикла «Морпех». Взрыв немецкой авиабомбы «возвращает» старлея морской пехоты Степана Алексеева в будущее, где вместе с ним оказывается и капитан НКГБ Сергей Шохин. Что делать дальше? Ведь первый числится пропавшим без вести во время маневров, а второй, как выясняется, погиб еще осенью 1943 года при освобождении Новороссийска. Проблемы удастся решить – морпех возвращается в свое подразделение, а контрразведчик, освоив компьютер и интернет, начинает собирать поистине сверхценную информацию, с которой надеется вернуться в родное время. Благодаря стечению обстоятельств, товарищи встречаются на борту БДК «Новочеркасск», который сопровождают два ракетных корабля ЧФ с «Калибрами» на борту. Возникшая на пути загадочная «дымка» отправляет корабельную группу в прошлое. Сумеют ли переломить ход Великой Отечественной крылатые ракеты и рота морской пехоты со штатной бронетехникой, или все станет только хуже?

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-160857-6

© Таругин О. В., 2022
© Махров, 2022

Содержание

От автора	6
Пролог. Спасательный круг	7
Часть первая. Будущее	8
Глава 1. Возвращение	8
Глава 2. Пистолет	14
Глава 3. Интернет	21
Интерлюдия	28
Глава 4. Отец	30
Глава 5. Разговоры	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Витальевич Таругин

Морпех. Подмога придет!

© Таругин О., 2022

© ООО «Издательство «Яуза», 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

От автора

Описанные в книге события могут частично или полностью не совпадать с событиями реальной истории времен обороны плацдарма «Малая земля» и боев за Новороссийск. Имена большинства бойцов и командиров РККА и РККФ изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru) и читателям литературного портала «Author.Today» (<https://author.today>).

Спасибо большое, друзья!

Пролог. Спасательный круг

Район Южной Озерейки, 4 февраля 1943 года, 6:25 утра.

Борт катера МО-054. Ретроспектива

Командир «морского охотника» лейтенант Кондратьев зло, до хруста в суставах сжал кулаки. Буквально несколько минут назад всем обеспечивающим высадку и огневое прикрытие десанта кораблям пришел приказ возвращаться в свои базы. Понятно, что все, что мог, экипаж «МОшки» сделал, до последнего поддерживая уцепившихся за узкую полосу пляжа морских пехотинцев огнем палубной сорокапятки и крупнокалиберного пулемета, но, учитывая творящееся на берегу, уходить не хотелось.

В том, что десант практически провалился, Кондратьев уже не сомневался – уж больно плотным и прицельным оказался вражеский огонь. Судя по всему, фашисты знали, где именно произойдет высадка, и подготовились, прицельно расстреливая подсвеченные мощными прожекторами, осветительными ракетами и снарядами десантные суда и тихоходные танко-десантные баржи из орудий и минометов. И все же казалось, что они еще могут хоть чем-то помочь. Или ему просто хотелось в это верить? Но полученный приказ не допускал двоякого толкования: корабли уходили. Уходили в полном составе, в том числе и те, кто огнем своих 130-мм пушек должен был оказывать морпехам основную артподдержку: эсминцы «Сообразительный», «Беспощадный» и их лидер «Харьков»...

Сдавленно, с присвистом выдохнув сквозь плотно сжатые губы, лейтенант постарался успокоиться. Душа требовала продолжения боя, душа кипела и клочкотала под вылинявшей тельняшкой и промокшим бушлатом, словно вздымаемый форштевнем пенистый бурун.

Заметив склонившуюся над леерным ограждением тень, Кондратьев недобро ухмыльнулся: кому-то сейчас сильно не повезет! Причем абсолютно справедливо, поскольку приказ спуститься вниз и задраиться для перехода уже прозвучал. Заодно и пар выпустит. А уж когда вернуться в базу – нажрется в зюсю. Ну, ежели, понятно, не придется снова выходить в море сразу после пополнения боекомплекта и бункеровки.

– Бойко, ты какого плавучего буя на палубе делаешь?! – выметнувшись из рубки, проорал лейтенант. – Жить надоело? Или тебя мой приказ не касается? Живо вниз, салага!

Краснофлотец испуганно дернулся, торопливо оборачиваясь и пытаясь занять некое подобие строевой стойки. С багром в одной руке и влажным от морской воды спасательным кругом в другой выглядело это достаточно комично.

– Виноват, товарищ командир корабля! Замешкался! Хотел спассредство на место принайтивать.

– Какое еще спассредство?! – рявкнул Кондратьев.

– Так вот же, – матрос продемонстрировал бело-красный пробковый круг с номером одного из участвовавших в десанте сейнеров. – Болтался на волнах почем зря, все одно б в море унесло. А мы как раз наш потеряли, осколком срубило. Вот я и решил... виноват!

– Ладно, понял, – хмуро буркнул лейтенант, остывая. – Тут такого добра теперь полно, но ты ухитрился пулей покоцанный подобрать. Хотя какая разница, пробка есть пробка. Все, дуй в кубрик, и чтоб я тебя до самой базы в глаза не наблюдал. Да куда с кругом-то?! Давай сюда, сам закреплю...

Часть первая. Будущее

Глава 1. Возвращение

Новороссийск, район Мысхако, наши дни

Вынырнув, Степан несколько секунд щурился отвыкшими от солнечного света глазами, после чего замысловато выматерился, отплеываясь горько-соленой водой. На поверхности был ясный солнечный день, определенно летний, о чем ненавязчиво свидетельствовала и температура воды, буквально за несколько секунд поднявшаяся как минимум градусов на десять-двенадцать. По иссиня-голубому небу неспешно плыли легкие облачка, на море царил полный штиль, ничуть не напоминавший трехбалльное волнение, двумя неделями назад (или все-таки почти восемьдесятками лет назад... или, блин, вперед?) отправившее на дно командирский БТР-80. Да и то, *другое* море, по которому на полных парах шел «морской охотник», окружающая обстановка тоже, мягко говоря, не напоминала.

Рядом шумно, до рвоты и судорожного кашля отфыркивался намертво вцепившийся в спасательный круг Шохин. Откуда взялся этот самый круг, Алексеев, если честно, помнил смутно – вроде бы сорвало ударной волной, что-то такое отложилось в памяти, когда нырлял за погрузившимся под воду оглушенным товарищем. По крайней мере, снять его с леерного ограждения, как требовал контрразведчик за пару секунд до взрыва, он точно не успел, сразу бросившись следом за Серегой. Ну, значит, повезло – иди, знай, сколько тут до берега... точно, как же он сразу не подумал! Берег! До Геленджика оставался приблизительно час хода, значит, если их выбросило в той же самой точке, добраться до побережья вплавь практически нереально. Замерзнуть – не замерзнут, водичка теплая, просто обессилеют, а один круг двоих не удержит. Если, конечно, не попадется навстречу какая-нибудь подходящая – да хоть бы и самая что ни на есть неподходящая! – посудина...

Степан оттолкнулся ногами, по пояс выталкивая тело из воды и осматриваясь. А вот и берег, совсем недалеко, метрах в двухстах. И местный пейзаж смутно знаком: очень на то похоже, они где-то между Южной Озереевкой и Мысхако, скорее всего, ближе к последнему. Любопытно, отчего их выбросило (а в том, что их именно «выбросило», причем не только в пространстве, но и во времени, морпех уже практически не сомневался) именно тут? Впрочем, сейчас не до того, об этом можно будет и позже подумать, когда до суши доберутся. Главное, что не открытое море, так что шансы на выживание стремительно возрастают.

– Где... мы? – отплевавшись, нервно осведомился окончательно пришедший в себя контрразведчик. – Почему день?

– Когда под Озерейкой вынырнул, этот же вопрос задал, – буркнул Степан. – Только тогда ночь была, а сейчас наоборот. Остальное потом объясню, ежели сам не догадаешься, когда доплывем.

Ухватившись за линь спасательного круга, старлей развернул товарища в нужном направлении:

– Берег там, метров с двести, так что почапали помалеху. Серега, забыл спросить, ты плавать-то вообще умеешь?

– Обижаешь, – отрезал Шохин. – Я ж у моря вырос, отец рыбаком был.

– Тогда совсем здорово. – Извернувшись, Алексеев избавился от плащ-накидки, расстегнул портупею с кобурой и ножнами со штык-ножом и в три приема сбросил миглом ушедший на дно намокший бушлат, оставшись в гимнастерке и тельняшке. Прорезиненная накидка тонуть не желала, темной кляксой распластавшись на волнах, пришлось отпихнуть в сторону, дабы

не мешала. С обувью заморачиваться не стал: берцы – не сапоги, быстро не стащишь, да и к ноге плотно прилегают, практически не мешая плыть.

– Скидывай одежду, в ней не доплывем, вниз утянет. Давай помогу, мне уж полегче.

Совместными усилиями освободили капитана госбезопасности от верхней одежды и обуви, потратив на операцию вдвое больше времени – пришлось повозиться, мешала портупея и перекинутый через плечо ремень полевой сумки, которую Шохин, несмотря на ругань старлея, категорически отказывался выпускать из рук.

Передохнув с минуту, неспешно двинули в сторону берега, вскоре ощутив ногами поднимающееся дно, и выбрались на крохотный дикий пляж, к счастью, оказавшийся безлюдным. Шурша подошвами ботинок по гальке и пустым ракушкам (особист, раздраженно морщась, топал босиком), Степан оставил товарища под крутым глинистым обрывом, пробежавшись по окрестностям. Окрестности радовали полным отсутствием людей – повезло. Но в любом случае отсюда нужно поскорее уходить, уж больно вид у них с капитаном предосудительный – ну, если он, конечно, не ошибается насчет того, куда именно они попали. Точнее – в какое время...

С последним удалось разобраться быстро: подобрав пустую пивную жестянку, Алексеев разглядел на донышке дату производства. Что ж, как бы то ни было, он вернулся в свое время. Вместе с Шохиним, который об этом пока ни слухом ни духом. Ну, да ничего, психика у Сереги крепкая, тренированная, выдержит. Да и интересно ему будет, новая информация, опять же. Тут, скорее, вопрос в другом – каким именно образом это произошло? Морпех задумался, припоминая недавние – или как раз таки давние? – события. Немецкая бомба, взрыв, падение в воду, спасательный круг... твою ж мать, снова круг! Неужели?!

Не обращая внимания на удивленный возглас товарища, старлей с плеском бросился в море, в два счета нагнав отнесенное от берега спассредство. Стоя по грудь в воде, осмотрел находку, сразу же обнаружив искомое – след от немецкой пули. Той самой, которая до сих пор покоилась в кармане гимнастерки, куда он переложил ее, переодеваясь в душевой в Геленджике. В сорок третьем году, блин, переложил! С трудом подавив желание немедленно ее вытащить и зашвырнуть вместе с кругом подальше в море, потопал в обратном направлении, размышляя о том, что пуль теперь, так уж выходит, аж целых две штуки – одна в кармане, вторая – где-то в глубине пробки. Интересно, это что-то значит?

Потихоньку обсыхающий Шохин, уже успевший выжать и натянуть обратно гимнастерку, наблюдал за ним с вялым интересом, но никаких вопросов пока не задавал, занимаясь промокшим планшетом с драгоценными блокнотами внутри.

Подойдя к товарищу, Степан бросил ему на колени пивную банку:

– На, погляди. На донышке дата изготовления, последние две цифры в любой строке – год. С приставкой «20» впереди.

Непонимающе взглянув на морпеха, контрразведчик повертел в руках жестянку, слегка сжал в пальцах, повернул донцем к себе:

– Интересный материал, вроде бы металл, на алюминий похож, но мягкий совсем и упругий. А, вот нашел: «девятнадцатое ноября две тысячи двадцать...» ЧТО?!

– Мы в моем времени, Серега! В будущем, короче говоря. И очень сильно надеюсь, что это именно *мой мир*, а не какой-нибудь там параллельный.

– А этот круг-то здесь при чем? – особист задал вовсе не тот вопрос, что ожидал Алексеев. – Не зря ж ты за ним в море лазал, да еще и с таким перекошенным лицом? Объяснишь?

– Объясню, только чуть позже. Нужно отсюда уходить, нам в подобном виде с местными встречаться не с руки. Сейчас главное – телефон найти, если дозвонюсь до Егорыча, сразу же кучу проблем решим, он товарищ надежный, поможет. Повезло, что у меня память на номера хорошая, с первого раза запомнил, хоть даже и не думал, что пригодится.

– А кто он такой? – Шохин безропотно поднялся с гальки.

– Боевой товарищ моего отца, в Афгане вместе воевали – помнишь, я про эту войну писал? Просто больше я никого в Новороссийске и не знаю.

– Может, в свою часть сообщишь? – неуверенно предложил контрразведчик. – Я бы так и поступил. Лучше сразу в особый отдел.

Алексеев невесело ухмыльнулся:

– Во-первых, часть моя не тут, а в Темрюке дислоцируется и прямого телефона я не знаю, а во-вторых, там я наверняка числюсь пропавшим без вести во время маневров. А объяснять по телефону, где я на самом деле почти две недели находился, сам понимаешь, полный бред. Так что с этим однозначно погодим. Да и вообще, пока я даже не уверен, что это именно моя реальность!

– А вот тут уж совсем непонятно, пояснишь?

– Обязательно, но позже, сказал же! Сейчас нужно кое с чем другим разобраться. Ты так толовую шашку в планшете и таскаешь?

– Ну, да... – непонимающе пожал плечами капитан госбезопасности.

– Давай сюда. – Осмотревшись, Степан подобрал обломок выбеленной морем и солнцем доски, несколькими ударами выкопал в глинистом склоне небольшую нишу, куда запихнул спасательный круг, протянутую Шохиным шашку и свою Ф-1 из внутреннего кармана – ту самую, заветную. – У тебя тоже эфка была, где она?

– С бушлатом утонула. А зачем это?

– Нужно, Серега, поверь. Я, когда в твоём времени оказался, ведь не спорил, правильно? Если попадемся местной по... милиции с гранатами и взрывчаткой, никакой Егорыч не поможет. И пистолет тоже давай.

– Не отдам, – зло сузив глаза, контрразведчик отступил на шаг назад, положив руку на клапан кобуры.

– Капитан, не дури, – поморщился морпех. – Здесь не война, с оружием не ходят, поскольку уголовная статья. Заметут со стволами – будут большие проблемы. И блокноты твои тоже отберут, кстати!

– В планшете побудет, – поколебавшись несколько секунд, нашел компромиссное решение особист, переправляя ТТ с запасным магазином в полевую сумку и протягивая товарищу пустую кобуру. – Мне так как-то спокойнее. Держи, перестраховщик.

– Ну, хрен с тобой, золотая рыбка, – буркнул старлей, пряча в тайник собственный «люгер» со штык-ножом и засыпая нишу глиной. Замаскировав сухой травой и мусором, отошел на пару метров, убеждаясь, что захоронку так запросто не обнаружишь. – Место запомнил? Как определимся, где находимся, и отыщем подходящую одежду, вернемся и заберем.

– С завязанными глазами отыщу, – пообещал товарищ. – Пошли искать телефон?

– Пошли. Да, кстати, если вдруг что, мы с тобой военные реконструкторы, отстали от ребят из нашего исторического клуба. А босой ты, поскольку сапоги утопил по глупости. И больше – ни слова, говорить стану сам. Уяснил?

– Уяснил. А что это за реконструкторы такие, и почему они военные?

Степан тяжело вздохнул:

– Серега, я прекрасно понимаю, сколько у тебя накопилось всяких вопросов и про круг этот, и про параллельный мир, и про реконструкторов, и вообще. Обещаю на все ответить, слово офицера, только не прямо сейчас, добро? Поверь, у самого от происходящего башка кругом, вот-вот мозги закипят. Давай пока просто найдем телефон и позвоним батиному товарищу, а уж там – по обстоятельствам.

– После встречи с тобой мы практически все время так и действуем, хоть ты эту формулировку и не любишь, – не сдержавшись, подколол старлея контрразведчик. – Ладно, потопали телефонную будку искать. Кстати, а с деньгами как быть? Или у вас тут бесплатно звонить можно?

– Что? А, понял, о чем ты. Нет, деньги, надеюсь, не понадобятся, просто вежливо попросим разрешить позвонить. Да и телефонных будок я уж давненько не видал. Короче, сам увидишь. Кстати, ты портупею лучше сними, в руке понесешь, да и гимнастерка так быстрее просохнет...

Идущих по узенькой пыльной улочке в сторону дикого пляжа девчонок, определенно местных, первым заметил внимательно изучавший окрестности Шохин:

– Старлей, ты глянь, что творится! Это они чего, прямо в трусах по улицам разгуливают?!

– Никакие это не трусы, тарц капитан, а шорты. Ну, короче, специальная пляжная одежда, чтоб не жарко было и тело дышало. Как по мне, вполне прилично, бывает и хуже.

– А по-моему, самые обычные спортивные трусы, только какие-то уж больно яркие, аж глаза режет. Еще и майки такие короткие, что все пузо наружу и титьки на прогулку просятся, того гляди выпадут. Срамота же!

– Привыкнешь, – усмехнулся морпех, решив не развивать тему – рассказывать еще и о современной молодежной моде в его планы уж точно не входило. Равно как и про нудистские пляжи – это к вопросу, что может быть еще хуже. – Серега, убедительно тебя прошу, просто поздоровайся, улыбнись располагающе, как умеешь, а дальше – молчи и ни во что не вмешивайся. Я с ними сам поговорю.

– Не учи ученого, – отрезал особист. – Указывать он мне еще будет! Уж как-нибудь без советчиков разберусь.

– Ну, как знаешь, – хмыкнул Алексеев, с улыбкой обращаясь к остановившимся пляжницам: – Привет, красавицы. На море топаем? Водичка сегодня просто супер!

Смерив Степана хмурым взглядом, одна из девчонок язвительно ответила, перефразировав последнюю фразу:

– И водочка, поди, тоже супер была? Иначе с чего б вы прямо в одежде купаться-то полезли? А товарищ твой еще и обувь утопил, пьянь. Видать, крепко нализался, вон какая ссадина на лбу. Да и прикид у вас откровенно отстойный, мы с такими не знакомимся. Короче, отвалите, дайте пройти! Мы спешим.

Вторая хихикнула, добавив:

– Тань, так они, наверное, попаданцы! Путешественники во времени. С войны к нам попали, разве не видишь, какая на них форма? Хотя, может, просто кино снимают, а мы и не в курсе.

– Ой, Машка, какая ж ты умная, недаром на историческом учишься! – поддержала шутку подруги первая девушка. – Точно, они из будущего... тьфу, ну, то есть из прошлого, поскольку на киноактеров как-то не похожи, малахольные больно! Все, до свиданчика, поболтали-разбежались! Дорогу освободите!

«А вот это было обидно, – угрюмо подумал Степан, молча отступая в сторону. – Хотя и смешно вышло: знала б ты, Машка-с-истфака, насколько точно угадала! Ладно, облом так облом».

– Простите, барышни, – внезапно вклинился в разговор контрразведчик. – Ну, что ж вы так неласково-то? Обзываетесь, грубите почем зря. – Шохин широко улыбнулся. – У нас с товарищем и на самом деле возникла определенная проблема, просто он, вероятно, избрал не самый подходящий стиль поведения. Видите ли, мы... военные реконструкторы (крохотную паузу перед непонятным словосочетанием заметил только старлей), места для нас новые, вот и потерялись. Нам бы наших товарищей из... исторического клуба найти, да связи нет. Не подскажете, откуда здесь позвонить можно? Нам бы только нашему... командиру доложиться, а уж он подскажет, куда дальше двигаться. Поможете?

Девушки чуть смущенно переглянулись, причем Степан отчего-то был совершенно уверен, что о том, кто именно такие эти самые «военные реконструкторы», в курсе лишь одна из них, та самая, что учится на историческом.

Собственно, она и заговорила:

– Так бы сразу и сказали, а то «красавицы», «водичка супер»... извините, ребята, мы ж решили, что вы просто клеитесь, причем откровенно по-дурачки. Так вам просто телефон нужен?

– Вообще-то да, – буркнул Алексеев, стараясь не встречаться взглядом с ухмыляющимся контрразведчиком. – Всего один звонок, местному оператору, понятно.

– Так звоните, – улыбнулась Мария, протягивая смартфон. – Сейчас пароль сниму. Все, держите. Я, кстати, один раз в реконе участвовала, два года назад, медсестрой была. Прикольно, конечно, но не мое. А вы, я так понимаю, за наших морских пехотинцев играете, десант на Малую землю? Не знала, что у вас сборы в этих краях.

– Угу, – не стал вдаваться в ненужные подробности старлей, торопливо набирая номер командира поискового отряда. – Морская пехота, февраль сорок третьего. А рекон на днях состоится, пока мы так, места присматривали, да вот случайно от своих отстали.

– Понятно, – кивнула девушка. – Ладно, разговаривайте, не стану мешать. Таньк, давай в сторонку отойдем, пусть ребята нормально поговорят. Что? Потом объясню, помнишь, я фотки показывала, ну, где я в военной форме и с сумкой с красным крестом?

Вызов Виктор Егорович принял на пятом гудке:

– Слушаю?

– Егорыч, здоров. Это старлей Алексеев, узнал? Нужна твоя помощь, причем вот прямо сейчас. «Воздух».

Телефонная трубка издала непередаваемый звук, нечто среднее между сдавленным кашлем и глухим бульканьем:

– Степа, ты?! Живой?! Твою ж мать! Я ж ведь к бате твоему с неделю назад ездил, тебя за пузырем вспоминали...

– Егорыч, оставить лирику! Сможешь меня забрать на тачке, причем как можно скорее? У меня ни документов, ни нормальной одежды. Только я понятия не имею, где нахожусь. Хотя сейчас, погоди секунду, есть вариант. Но сперва на один вопрос ответь – День Победы мы когда празднуем?

– Че... чего?!

– Просто ответь. Потом все объясню.

– Девятого мая, когда ж еще? Степа, ты там, часом, башкой не ударялся?

– Да не важно. Только ты не до конца ответил: девятого мая *какого* года мы Берлин взяли?

– Сорок пятого, – коротко бросил поисковик, видимо, решив больше уже ничему не удивляться.

– Отлично! Передаю трубу, выясняй, как нас отыскать.

Жестом подождав Машу, морпех дал ей телефон:

– Можете объяснить нашему командиру, куда за нами подъехать? А то мы, как уже говорилось, люди неместные, документы украли, да и пить так хочется, что переночевать негде. Спасибо огромное, век не забуду!

– Без проблем, – вполне по-доброму улыбнулась девушка, прижимая трубку к розовому ушку с бирюзовой капелькой недорогой сережки. – Здравствуйте, меня Марией зовут...

– Ну, вот и все, идите по улице до перекрестка, тут недалеко, всего с полкилометра, и ждите у заправки, там вас и подберут. Только никуда не сворачивайте, иначе снова заплутаете.

И, секунду поколебавшись, добавила, внезапно перейдя на ты:

– А звать-то тебя как, попаданец?

– Степаном, – автоматически ответил тот, ощутив, как отчего-то полыхнули жаром щеки. Или просто солнцем напекло – там, на плацдарме, было куда как прохладнее. – Степан Алексеев, старший лейтенант морской пехоты.

– Вот и познакомились. Ну что ж, прощай, старший лейтенант Степан Алексеев, больше не теряйся в незнакомых местах! Поки-поки! Пошли, Таньк, чего застыла!

– А у меня даже имени не спросили, – с непонятым выражением на лице пробормотал Шохин, с грустью глядя вслед уходящим пляжницам. – Эх, ну хороши ж, мерзавки, хороши! Хоть и ходят не пойми в чем! Кстати, тут кто-то, помнится, предлагал молчать и ни во что не вмешиваться?

– Да иди ты... ну, ладно, ладно, ты меня сделал, как салагу! Был категорически не прав, ошибся, не просчитал ситуацию, виноват, готов понести – и все такое прочее. Достаточно?

– Вполне, – самодовольно ухмыльнулся контрразведчик, отирая налипший на босую ступню песок о штанину. – Потопали искать этот самый перекресток. И кстати, насчет реконструкторов и местной телефонной связи ты мне все самым подробнейшим образом объяснишь.

– Объясню, понятное дело, – кисло согласился Алексеев, с тяжелым вздохом прикинув, сколько всего ему придется объяснять в самое ближайшее время. – Слушай, но как у тебя получилось-то?!

– Так в моей работе самое главное – к каждому свой подход отыскать, без этого никак. Твой не сработал, вот я и попробовал иначе. Ладно, пошли... салага.

– Пошли, – кивнул Степан, провожая взглядом о чем-то весело щебечущих меж собой девушек. – А что хороши, тут ты всецело прав.

– Вот кстати, старлей, а у тебя жена-то имеется? Раньше как-то не спросил, да и не до того было.

– Нет у меня ни жены, ни невесты, – пожал плечами морпех, с усмешкой добавив: – Тоже как-то не до того было. Думал, после окончания училища этим вопросом вплотную заняться, а оно вон как вышло – сперва маневры эти, а затем и настоящая война. Так что холост, как учебный патрон. А у тебя?

– Женат, и дочка подрастает, Лизонька. В мае сорок первого родилась, буквально за месяц до того, как все началось. В эвакуации они, еще прошлой зимой отправил. За все время только одно письмо и получил, что добрались нормально, а дальше как отрезало. Надеюсь, что все нормально, местные товарищи должны были приглядеть.

– Не переживай, Серега, все с ними хорошо, просто с почтой проблемы. Вон, прадед мой еще летом сорок первого в Белоруссии без вести пропал, а похоронку бабушка только в сорок четвертом получила. Кстати, можем попробовать поискать в сети информацию о твоей семье. Не факт, конечно, что получится, ну, а вдруг?

– Где поискать?

– В интернете... короче, про это тоже попозже расскажу и даже покажу, тут на пальцах никак не объяснишь, видеть нужно...

Глава 2. Пистолет

Новороссийск, наши дни

Виктор Егорович появился минут через сорок, когда охранник местной заправки уже начал подозрительно коситься на двоих устроившихся в тенечке мужиков в непонятной одежде. Подходить, правда, не стал, поскольку на бомжей или наркоманов они не походили, да и вели себя прилично, о чем-то негромко разговаривая. Пока дожидались командира поискового отряда, Степан успел вкратце ввести товарища в курс дела касательно военных реконструкторов и местной мобильной связи.

Первое контрразведчика заинтересовало не особо – что называется, просто принял к сведению, раздраженно пожав плечами:

– Баловство, да и только! Коль так уж хочется с оружием да в военной форме побегать, так и оставались бы на сверхсрочную или в офицерское училище поступали. А этих, которые в фашистов переодеваются, я вообще не понимаю: это ж как можно добровольно на себя ихнюю форму напялить, особенно эсэсовскую?! Они ж их собственных предков четыре года убивали, деревни со всем населением жгли, города в щебень бомбами разносили! Про концлагеря я и вовсе молчу. Прости, старшóй, это как-то выше моего понимания.

– А как же киноактеры? Им ведь тоже приходится в немцев переодеваться? Или, допустим, в белогвардейцев?

– Ты хрен с пальцем не путай! – зло отрезал Шохин. – Кино – это одно, а все, про что ты мне сейчас порассказал, – совершенно другое! Актеры роль отыграют, форму мерзкую скинут да и забудут. Сегодня немцем был, а завтра, коль режиссер так решит, красноармейцем стал. А эти... они ж ведь по собственной воле, по желанию своему за врага выступают! И не спорь, без того на душе муторно!

– Даже не собирался, – хмыкнул Алексеев, поскольку и сам, откровенно говоря, во многом разделял мнение товарища. Слишком уж страшную цену заплатила его страна за Победу. По крайней мере, лично он – увлекись вдруг военной реконструкцией – уж точно не решился бы обрядиться в фельдграу. Нет, не потому, что еще буквально вчера всеми доступными способами изничтожал носителей этой самой формы, вовсе нет. Просто память сгинувших на той войне прадедов и собственная совесть бы не позволили. Да еще, наверное, хранящиеся у бабушки скромные солдатские медали его второго прадеда, того самого, что погиб в сорок четвертом при освобождении Крыма...

– Вот и хорошо, – сварливо подвел итог разговора капитан госбезопасности, безуспешно пытаясь заправить под ремень практически высохшую и оттого ставшую колом гимнастерку. – Давай, про телефонную связь излагай!

Следующие минут пятнадцать Степан рассказывал товарищу про современную сотовую связь. К слову, который сейчас час, ни тот ни другой определить не могли, поскольку собственных часов у морпеха не имелось еще со времен пленения в Абрау-Дюрсо, а хронометр Шохина не пережил морского купания. Да и какая от него польза? Все равно показывал бы местное время 16 февраля 1943 года.

Полученная информация Шохина откровенно шокировала – как бы не больше, чем даже сам факт его внезапного попадания в нереально далекое будущее:

– Это ж с ума сойти можно! То есть сейчас у каждого гражданина в кармане не просто личный телефонный аппарат и звукозаписывающее устройство, но еще и мгновенная камера, не требующая печати фотокарточек?! Да еще и способная снимать кинохронику?!

– Это называется «видео», – поправил морпех, с тревогой вглядываясь вдаль. Хрен с ними, с часами, но внутренний «будильник» никто не отменял! Что-то долговато Егорыч едет, как бы ненужных проблем не возникло. На проявляющего к ним вялый интерес местного

охранничка-то начхать, он не опасен, если б хотел, уже давно или сам подошел, или полицию втихаря вызвал. Но вот если мимо патруль проедет, могут и прикопаться, причем на абсолютно законных основаниях. А у них ни нормальных документов, ни внятного объяснения, кто, откуда и почему в таком виде, лишь наспех состряпанная легенда про отставших от группы реконструкторов. Еще и боевой пистолет в планшетке – нужно будет, если что, успеть ее под скамейку запихнуть. Вот только Серегина реакция при этом может оказаться, мягко говоря, непредсказуемой – хотя уже должен был просчитать, что ценность его секретных блокнотов сейчас практически нулевая.

– Да не важно, как оно называется! – отрезал окончательно разнервничавшийся контрразведчик. – Это ж какое раздолье для шпионов-то! Сфотографировал военный объект или секретный документ, да и отправил на другой конец мира. Хоть в Америку, хоть в Германию или Японию! Секунда – и все. Как же вы тут вообще со шпионами-то боретесь?!

– Нормально боремся, – рассеянно ответил старлей. – Кому положено, те работают – твои, кстати, коллеги. Да и шпионы нынче совсем другие, не такие, к каким ты в своем времени привык.

– А какие? – искренне заинтересовался Шохин, знакомо прищурился глазами.

– Да абсолютно официально в стране пребывающие, вот какие! Журналист известного западного журнала, сотрудник уважаемой иностранной компании, защитник природы с прочей экологией – прикрытий много, на любой вкус. Да хоть бы и секретарь посольства, защищенный всеми дипломатическими иммунитетами, если и вовсе не сам посол! Пока на горячем не возьмут, трогать нельзя, поскольку иностранные граждане, у каждого в кармане и паспорт, и разрешение соответствующее.

– ...! – не сдержавшись, грубо выругался особист. – Сложно тут у вас.

– А ты думал, в сказку попал? – невесело усмехнулся Алексеев. – Между прочим, с помощью этих милых гаджетов... ну, в смысле, телефонов можно еще и отслеживать местонахождение хозяина с точностью до нескольких метров, геопозиционирование называется... ага, вон Егорыч едет, дождались, наконец! Все, после договорим. – Заметив подруливающую к заправке знакомую по поездке на Вахту памяти старенькую «девяносто девятую», Степан махнул рукой, привлекая внимание.

Автомобиль съехал на обочину, притормозив возле товарищей.

– Здорово, Степа! – пробасил высунувшийся в водительское окошко Виктор Егорович, мазнув по ним цепким взглядом. – Гляди-ка, и на самом деле ты, причем живехонький, а то я уж всякого передумал, пока сюда ехал. Вот батя-то обрадуется! И вам, товарищ капитан, тоже здоровья желаю. Прыгайте на заднее сиденье, да погнались, знакомиться позже стане м...

* * *

– Прошу, – на правах хозяина распорядился старый сапер, распахивая перед нежданными гостями дверь штаба поискового отряда, расположившегося в полуподвале жилого дома. – Здесь и поговорим, а заодно перекусим, поскольку что-то мне подсказывает, что накормить вас в первую очередь требуется. Разносолов не обещаю, понятно, но и голодными однозначно не оставлю.

– С этим и обождать можно, – отмахнулся морпех, с интересом осматриваясь. Штаб занимал целых три комнаты, одна из которых представляла собой импровизированный музей, во второй складировалось снаряжение, а третья, где они и разместились, являлась чем-то вроде кают-компаний. Проще говоря, местом, где можно и отдохнуть после копа, и чайку-кофейку за разговорами попить, и дальнейшие планы обсудить, и поработать с документами или интернетом, поскольку и компьютер с выходом в сеть имелся, и лазерный принтер со сканером. Приятным дополнением оказался полноценный санузел с душем.

– Хорошо устроились, – одобрил Алексеев. – Душевно.

– Согласен, – чуть самодовольно усмехнулся поисковик. – И, заметь, все своими силами оборудовали – когда отряду помещение, наконец, выделили, тут такой бомжатник был, что и не описать. Целое лето в две смены горбатились, пока ремонт закончили. Зато сейчас – сам видишь. Ну, все, похвастался – и будет. С чего начнем?

– Нам бы для начала переодеться. Поможешь, Егорыч? Что-нибудь неприметное, чтоб в глаза не бросалось, джинсы там, пара футболок, обувь.

– А у меня есть выбор? – хмыкнул бывший «афганец», взясь с электрочайником. – Жаль, моя одежда вам не подойдет, здоровые больно, ну да ничего, разберусь. Тут неподалеку магазинчик недорогой имеется, там и прибарахлюсь. Вот сейчас познакомимся поближе, сухпай выделю да и смоताюсь.

– С чего б нам с тобой повторно знакомиться-то? – удивился Степан, с удовольствием стягивая так и не просохшую до конца гимнастерку.

– Так я и не про тебя, старлей. – Виктор Егорович в упор взглянул на контрразведчика. – Нас ведь тут вроде как трое.

– Капитан государственной безопасности Шохин, Сергей Анатольевич, – верно истолковав взгляд, представился тот, протянув ладонь. – Боевой товарищ вашего знакомого.

– Старший прапорщик Пчелин, Виктор Егорович, боевой товарищ отца нашего *общего* знакомого, – в тон ему отрапортовал поисковик, отвечая на рукопожатие. – Рад знакомству, товарищ капитан! Хотя к вам ведь и «товарищ подполковник» можно обращаться, звание-то у вас, насколько помню, специальное?

– Уже нельзя, – вполне по-доброму улыбнулся Сергей, не обратив на не существующее в Красной армии звание особого внимания – поводов для удивления хватало и без того, причем с лихвой. – Согласно указу от девятого февраля сего года, для сотрудников органов госбезопасности введены специальные звания, сходные с общевоинскими. Так что теперь я именно что капитан.

Обернувшись на фыркнувшего Степана, особист непонимающе дернул головой:

– Что я не так сказал?

– Насчет года слегка промахнулся. Лет эдак на восемьдесят.

– Ах, вон ты о чем. Ну да, сложновато как-то вот так сразу привыкнуть, что за пару часов чуть ли не целый век прошел, – контрразведчик, не скрываясь, вздохнул. – Для меня-то, как ни крути, все еще сорок третий. Кстати, а сколько прошло времени с тех пор, как Степан пропал? Неделя, две? Точнее, двенадцать дней, так?

Растерянно взглянув на настенный календарь, согласно которому сейчас была вторая половина августа, поисковик отчего-то слегка виновато ответил:

– Так уж больше месяца прошло, мужики!

– Даже так? – задумчиво хмыкнул старлей. – Выходит, время там и тут по-разному идет, приблизительно один к двум? За две недели в сорок третьем здесь месяц с лишним прошел. Любопытно.

– А «тут» и «там» – это ты сейчас что в виду имел? – осведомился контрразведчик, по примеру младшего товарища избавляясь от верхней одежды.

– Это я насчет теории параллельных миров, – ответил Степан. – О которых мы еще поговорим. Помнишь, я у товарища старшего прапорщика насчет даты празднования Дня Победы по телефону спросил? Если б он назвал другое число или год, я бы предположил, что мы попали в некую альтернативную реальность... короче, тарщ капитан, давай сначала в себя придем да перекусим? Тут разговор серьезный, в двух словах никак не получится. Короче, как в народе говорят, без поллитры не разобраться.

– Так а я о чем?! – просветлев лицом, отреагировал на последнюю фразу Виктор Егорович, выставляя на стол пару консервных банок, нарезной хлеб в пакете и початую бутылку

коньяка. Звякнув, рядом расположились два самых обыкновенных граненых стакана. – Перекусите да остограмытесь, душ примите, а я пока в магазин смотаюсь, так что на меня не рассчитывайте, поскольку за рулем. Чай, кофе – по желанию, чайник я включил. Подходит такое предложение?

– Нормально, – кивнул Степан, переглянувшись с особистом.

– Только на улицу пока не выходите, дождитесь меня. Постараюсь обернуться поскорее.

– Да мы как бы и не собирались, особенно в таком виде, – пожал плечами Алексеев, возясь с консервными жестянками. – Спасибо, Егорыч, выручил! Во всех смыслах выручил!

Поколебавшись, сапер вытащил из кармана смартфон:

– Степа, батя нужно бы звякнуть.

– Нужно, – не глядя на поисковика, кивнул морпех, передавая Шохину открытую банку тушенки. – Только не знаю, как это правильно сделать. Как он, как мама? Ты говорил, в гости к нам ездил?

– Нормально все. Батя твой так мне прямо и сказал – «не верю, мол, что Степки моего больше нет, считай, чуйка вещает, потому и пить за упокой не стану». Но нервы у него сильно искрились, не без этого. Короче, нажрались мы просто, за Афган вспомнили, то, сё.

– А мама?

– А мама вовсе ни о чем не подозревает, и сестренка твоя младшая тоже. Когда ему комбат информацию после окончания маневров передал – они с Ткачевым давние знакомцы, если не в курсе, – батя твой матери ничего рассказывать не стал. Сказал, что ты на курсы убыл, вроде как в Сирию зимой собираешься, месяца через два вернешься и связи с тобой все это время не будет. Вот такие дела. Так чего, звонить станешь?

– Попозже, Виктор Егорыч, не готов я сейчас к этому разговору. Да и что я ему скажу? Что в прошлое провалился, а потом обратно вернулся? Так он мигом сюда рванет. Опять же, командованию моему, что-то мне подсказывает, не стоит пока ни о чем знать. Так что побуду пропавшим без вести, а уж дальше решим, как поступить...

Старший лейтенант мотнул головой в сторону внимательно прислушивающегося к разговору особиста:

– И товарищу капитану мне еще многое объяснить нужно, слово офицера дал, а у тебя тут и комп имеется, и тырнет подключен. Ну, согласен?

– Хозяин – барин, – пожал плечами Пчелин. – Ладно, питайтесь, товарищи офицеры, а я поехал. Заодно постараюсь и телефон тебе подыскать, не оставлять же без связи.

– Тогда уж сразу парочку, Сереге тоже связь нужна. Только тут такое дело, Егорыч, денег у меня, сам понимаешь, не имеется. Но я потом все верну, не сомневайся!

– Обидеть хочешь?! – вскинулся старший прапорщик. – Чтоб я ничего подобного больше не слышал, понятно? Уж как-нибудь сам разберусь, не обеднею. Все, я сказал, закрыли тему!

– Извини, Егорыч. И еще раз спасибо, – искренне поблагодарил Степан. – Кстати, а откуда ты вообще про меня узнал? Ну, в смысле, что я во время учений пропал?

– Так батя твой отзвонился после того, как с ним подполковник связался. А как с ним переговорили, меня как дернуло что-то на тот перочинный ножик поглядеть, который мои бойцы на плацдарме откопали, помнишь? У тебя еще в кармане второй точно такой же отыскался. Только ножичка-то и нету, исчез. Буквально в воздухе растаял, практически на моих глазах испарился. Вот потому на следующий день я к твоему батя и рванул. Почти полтыщи кэмэ без единой остановки отмахал, даже не заметил. Рассказал ему все, да только он, очень на то похоже, на слова мои даже и внимания особого не обратил, а затем разговор наш и вовсе в другую сторону свернул...

– Нож? – непонимающе переспросил особист. – Какой еще нож? Ты мне про это ничего не говорил!

– Не говорил, – согласился Степан, припомнив бой в Станичке и взорвавшийся вместе с поддельным «Викториноксом» немецкий танк. – Поскольку это еще до нашего знакомства произошло. Да и нету его больше, уничтожен. Причем, судя по сказанному, одновременно в обоих мирах.

– Так, все, товарищи офицеры, хватит! – не выдержал контрразведчик. – У меня от всего этого уже голова кругом, того гляди лопнет!

Потянувшись к бутылке, Сергей решительно разлил содержимое по стаканам.

– Давай, старлей, бери тару, поддержи старшего по званию. Если честно, уж и не упомяну, когда последний раз настоящий коньяк пил.

– Вот это правильное решение, товарищ капитан, – одобрил Виктор Егорович. – Только закусить не забудьте, а то вставит с голодухи-то. В соседней комнате спальники да пара раскладушек имеется, мои бойцы тут порой ночуют, после обеда можете вздремнуть. Все, уехал, хозяйничайте без меня, люди взрослые, разберетесь...

– Вот такая история, – закончил Степан слегка захмелевшим голосом, задумчиво болтая на дне стакана остаток коньяка. – Был ножик – да сплыл. Ты еще насчет параллельных миров спрашивал? Тут немного посложнее объяснить, но попытаюсь. Только лист бумаги и что-нибудь пишущее нужно, на словах не поймешь.

– У меня все размокло, – тяжело вздохнул Шохин. – Блокноты вон, на подоконнике сушатся, хорошо хоть писал карандашом, не размоет. Так вон же, гляди, на полочке какая-то бумажка лежит. На ней, правда, уже чертили что-то, но другая-то сторона чистая. Держи.

– Опа, – усмехнулся морпех, взглядевшись в протянутый лист с четко различимым следом от доньшка кружки с чаем или кофе. – Походу, я уже не первый, кто в этой комнате про параллельные миры рассуждает. Даже дату поставили, «февраль сорок третьего». Ну, в целом да, я бы примерно так и описал. Вот только с датами чуток намудрили, ну да ничего, это я сейчас поправлю. Короче, гляди, вот эта линия – базовая реальность, в которой мы с тобой сейчас находимся...

– Не настолько уж все и сложно оказалось! – пожал плечами контрразведчик, выслушав объяснения Алексеева и задав несколько уточняющих вопросов. – И с чего это ты взял, что мне трудно будет понять? Не дурнее других. Вполне логичная научная теория, пусть и с кучей сомнительных моментов.

Аккуратно сложив лист вчетверо, Сергей отложил его в сторону, определенно собираясь спрятать в полевую сумку после того, как последняя окончательно просохнет. Морпех сделал вид, что ничего не заметил, подумав: знал бы ты, сколько еще предстоит узнать, когда научишься пользоваться поисковыми системами и посидишь денек-другой в интернете! Всех распечаток, которые ты наверняка захочешь сделать, никакая планшетка не вместит, тут чемодан, блин, потребуется! Непромокаемый, угу...

– А со спасательным кругом что? – Расправившись с тушенкой, особист аккуратно вымакал остатки сала и бульона хлебной коркой, отправил в рот. Вздохнув, опустил пустую жестянку на пол. – Товарищ прапорщик говорил, тут чайком можно разжиться?

– Да, сейчас организую. А с кругом этим, Серега, так и вовсе все непонятно и загадочно! Понятия не имею, откуда он на катере взялся, но очень на то похоже, что он меня реально преследует. И я всерьез подозреваю, что все эти путешествия во времени – а теперь, так уж выходит, еще и между мирами – происходят не без его участия.

– Рассказывай! – заметно напрягся Шохин, знакомо прищурившись. – Что ж ты самое-то главное сразу не сказал?!

– Слушаюсь, тарщ командир, – фыркнул Степан, вкратце и без ненужных подробностей описав эпопею с «пролюбленным» военно-морским способом штатным спассредством, его заменой, застрявшей в пробке немецкой пулей и собственным спасением под Южной Озерейкой.

– А после того, как Левчук тебя на берег вытянул, куда этот круг подевался?

– Издеваешься? Я ж без сознания был, только в блиндаже в себя пришел. Так что это к старшине вопрос, хоть и сильно сомневаюсь, что он тоже запомнил. Наверняка или на пляже остался, или волнами унесло.

– Могло и унести, – согласился Сергей, с видимым удовольствием прихлебывая горячий крепкий чай. – А потом морячки подобрали, что худо-бедно объясняет его появление на нашей «МОшке», поскольку она в высадке тоже участвовала, точно знаю. Не в том суть: зря мы, старлей, такую ценную вещь на пляже оставили! Нужно срочно забрать, пока никто случайно не обнаружил!

– Заберем, не проблема. Да и не найдет никто, я захоронку нормально замаскировал, ты ж сам видел. Слушай, то есть ты, получается, абсолютно уверен, что все дело именно в этом круге?

– Уверен, – отрезал товарищ. – Поскольку никаких других предположений у нас не имеется, а сущности, как известно, не следует множить без необходимости. Про бритву Оккама слышал, поди?

– Слыхал, – кивнул Алексеев. – Вот уж не думал, что ты еще и в философии шарить!

– Сказал же, не дурнее других, – ухмыльнулся Шохин. – Ладно, с этим тоже в первом приближении разобрались. Да, кстати, покажи эту пулю?

Покопавшись в карманах сушащейся на спинке стула гимнастерки, Степан растерянно взглянул на товарища:

– Ты не поверишь, но или я ее потерял, пока мы с тобой морские ванны принимали, или она тоже того... исчезла. Только след от ржавчины на ткани остался.

– Понятно, – хмуро буркнул контрразведчик, заиграв желваками. – Выходит, всего одна осталась, та, что в круге.

Старший лейтенант промолчал, примерно догадываясь, какие сейчас мысли бродят в голове Шохина: он-то вернулся в свой мир, а вот товарищ – как раз наоборот. И этот самый круг с застрявшей внутри немецкой пулей, с его точки зрения, единственный способ попасть обратно, к себе *домой*...

Допив чай, контрразведчик вышел из «кают-компаний», сообщив, что хочет побыть в одиночестве и немного подумать, заодно осмотреть найденные поисковиками экспонаты. Прекрасно понимающий чувства товарища, Степан, понятно, не спорил.

Заварив себе еще кофе, просто сидел, устало прикрыв глаза и откинувшись на спинку узкого диванчика, наслаждаясь полузабытым за две недели вкусом и спокойствием, когда не нужно ежеминутно ждать какой-нибудь подланы от незаметно подобравшегося фрица или румына. Разумеется, сия лафа долго не продлилась: приблизительно на середине чашки вернулся капитан госбезопасности, молча выложив перед морпехом ржавый, но восстановленный до музейного состояния ТТ с покореженной предохранительной скобой и без накладок на рукоятке. В том месте, где должен был находиться магазин, торчал намертво застрявший иззубренный осколок то ли мины, то ли снаряда.

– Серега, ты чего? – откровенно испугался Алексеев, глядя на бледное, что называется, без единой кровинки, лицо особиста. – Что еще случилось?! Призрака увидел?

– Серийный номер, – сухо бросил тот, указав на расчищенные реставраторами цифры на корпусе пистолета. – Не знаешь, коньяк у твоего товарища еще остался? Хотя мне сейчас лучше бы водки выпить.

– Не понял... ну, номер, и что с ним не так?

О столешницу грюкнул, едва не опрокинув чашку, особистский «токарев», в сравнении с повывавшим виды собратом кажущийся издевательски-новеньким.

– Сравни.

Ощутив, как щекотно шевельнулись волосы на голове, Степан, уже догадавшийся, в чем дело, сверил номера. Собственно, мог бы этого и не делать, все было понятно и так.

Медленно поднял голову, встретившись взглядом с товарищем.

Шохин криво ухмыльнулся:

– Похоже, меня того, Степа, убили...

Глава 3. Интернет

Новороссийск, наши дни

Силой усадив контрразведчика на диванчик, Степан, уже успевший кое-что обдумать, пододвинул к нему чашку с недопитым кофе:

– Поскольку насчет водки я не в курсе, а твоя заветная фляжка на катере осталась, пей, что имеется. Тоже неплохо мозги прочищает, особенно такой, какой я люблю. Если шибко горький, вон сахар, подсласти.

Шохин молча сделал пару глотков, поморщился:

– Как ты подобную бурду пьешь?! Тьфу, чистая хина, честное слово! У фрицев эрзац и то лучше.

– Не пробовал, – хмыкнул старлей, усаживаясь напротив. – Ни первое, ни второе. Значит, так, капитан. Скорее всего, находка твоя ровным счетом ничего не значит. Мой ножик тоже среди костей нашли, но это ж не я оказался, верно? Да и где тот ножик? Нету его больше. А пистолет ты мог в бою потерять, или кобуру осколком срезало, мало ли что? Да хоть бы и ранило тебя или, допустим, контузило – сам ведь знаешь, при эвакуации на оружие никто особого внимания не обращает, главное, бойца живым вытащить. Увидели, что пистолет битый – вон как скоба искорежена, – да и скинули в воронку, а там совсем другой боец лежал. Логично?

– Вполне, – кивнул малость оклемавшийся особист, пряча взгляд. – Ты это... извини, старшой, что панику развел, самому стыдно. Просто больно уж неожиданно все произошло, перенос этот, новый мир, информация, от которой голова кругом. Теперь и сам понимаю, что зря расписывался.

– Да не бери в голову, – пожал плечами Степан. – Просто, пока Егорыч не вернется, мы все равно ничего не поймем, поскольку понятия не имеем, где и при каких обстоятельствах его нашли. Может, и вовсе не в Новороссийске, поисковики, насколько понимаю, по всей стране в экспедиции ездят. Меня больше другое интересует: пистолет-то в *этом* мире откопали, понимаешь? А ты на Малую землю как раз из-за меня и прибыл. Понял, о чем я? Или ошибаюсь?

– Сложно сказать, – задумался Шохин, получивший информацию к размышлению и мигом отвлекшийся от мрачных мыслей. – Слушай, а ведь ты прав! Хотя меня в принципе в любом случае могли на плацдарм отправить. Причем, не пойми, когда именно: город-то только к осени освободили. Ну, здесь, в смысле, освободили, в твоем мире.

– Вот и договорились, – облегченно выдохнул морской пехотинец. – А то заладил: «убили меня, убили». Паникер вы, тарщ капитан!

– А то ты не психанул, когда свой перочинный ножик среди костей увидал, – буркнул контрразведчик.

– Серега, вот хочешь – верь, хочешь – не верь, но я тогда вообще ни фига не понял и тут же из головы выбросил! А вспомнил уже потом, когда на плацдарме оказался. Так что – мимо.

– Ну, мимо – так мимо, – не стал спорить тот. – Ты еще про какой-то интернет упоминал, причем не раз. Объяснишь, что за штука такая? Только давай я сперва пистолет обратно отнесу, чтобы глаза не мозолил. Раздражает, зараза. Да и мой после морской водички перебрать-просушить нужно, не знаешь, у твоего товарища масло ружейное найдется?

– Может, и найдется, – пожал плечами Степан. – Только где его искать? Все равно придется Егорыча ждать. А насчет интернета? Сейчас комп включу и попытаюсь ввести в курс дела. Только имей в виду, разобраться с этим будет куда сложнее, чем с параллельными мирами и прочей лабудой. Но, думаю, справишься.

– Справлюсь, – твердым голосом ответил капитан госбезопасности. – Насколько понял по твоей реакции, это что-то очень важное, значит, я просто обязан разобраться. Вот этот прибор, – он кивнул на компьютер, – это он и есть, так?

– Э-э... ну, не совсем. С помощью этого прибора можно зайти в сеть и работать... нет, так ты точно ничего не поймешь. Короче, это – электронно-вычислительная машина, позволяющая делать множество всяких полезных вещей – смотреть кино, слушать музыку, просматривать фотографии, набирать печатный текст, словно на пишущей машинке, рисовать всякие схемы и графики – и так далее. А интернет... ну, не знаю... представь себе, что ли, огромную библиотеку, точнее, хранилище информации. Буквально любой информации, кроме разве что самой секретной. И с помощью этого прибора каждый человек может эту информацию получить, просмотрев вот на этом экране, – Степан кивнул на пока что темный монитор.

Взглянув на напряженно нахмурившегося контрразведчика, невесело усмехнулся:

– Понятно, давай лучше покажу, так оно, подозреваю, понагляднее выйдет. Сейчас, нужно подождать, пока загрузится... в смысле включится. Собственно, помнишь, ты от возможностей мобильных телефонов малость обалдел? Ну, так комп – это примерно то же самое, только еще круче. О, врубился, и пароль на вход не установлен, отлично!

– Значит, в этом... интернете и про меня информация имеется? В смысле, где погиб, когда?

– Скорее всего, – осторожно кивнул Степан. – Вот только как ее правильно искать, я не разбираюсь, ты ж ведь не армеец, так что в открытых базах данных сведений может и не найтись. Насчет этого однозначно лучше с Егорычем или его ребятами говорить, они в подобных делах лучше разбираются, поскольку постоянно поиск ведут, если смертный медальон или подписную вещь с останками обнаружат. Он мне сам рассказывал, что порой по одним только инициалам на котелке или ремне удастся бойца опознать, главное, точно знать, какая конкретно часть в этом месте сражалась. Так что дождемся его возвращения, заодно и про пистолет выясним. Продолжу?

– погоди, старшой, – снова остановил морпеха товарищ. – Еще один вопрос нужно обговорить. С отцом ты однозначно связаться должен, иначе никак нельзя, неправильно это. А вот касательно твоего командования? Тут ситуация куда как сложнее. Сообщить им, что жив-здоров – однозначно следует, вот только если всю правду выложишь, вцепятся в тебя, как я на плацдарме вцепился. Заодно и за меня, понятное дело, тоже возьмутся. И плакало наше возвращение в сорок третий. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – кивнул Алексеев, подумав, что лично он в принципе никакое «возвращение» так и вовсе не планировал – тут бы с имеющимися проблемами разобраться! Но озвучивать эту мысль, разумеется, не стал: Сереге и без того тяжело. Да и как, собственно говоря, он это самое возвращение представляет-то? Отплыть, держась за спаскруг, подальше от берега и попросить сбросить на них авиабомбу? Или самим себя тротиловой шашкой подорвать, надеясь, что неведомый механизм межвременного (или, допустим, межмирового) переноса благополучно сработает и на этот раз? А если не сработает, тогда как? Просто пораскинуть по волнам мозгами с прочими частями тела, на сей раз уже окончательно перейдя в разряд пропавших без вести?

– У тебя, так понимаю, есть предложение?

– Ну, я тут прикинул кое-чего, вполне может сработать. Допустим, во время маневров ты начал тонуть, уцепился за круг, отнесло волнами – ты ж сам описывал, что при высадке с десантного корабля прилично штормило? Кто тебя на берег вытащил – понятия не имеешь, поскольку находился без сознания. Документов нет, утонули вместе с бушлатом. Отвезли в больницу, где почти месяц и провалялся с ретроградной амнезией. Как только память вернулась, сразу вышел на связь с родными и командованием части, но про этот месяц ничего не помнишь. Как?

Алексеев иронично хмыкнул:

– Супер. Тебе б сценарии к мыльным операм писать, телевизионщики с руками бы оторвали. И никто из персонала этой самой больнички, разумеется, не связал мою бесчувствен-

ную тушку в камуфляжных брюках и армейских берцах с проводимыми в километре-другом маневрами. И ментам... гм... милиции не сообщили. Приняли за пляжника, которые все, как один, в таком виде и купаются, да и махнули рукой, так, что ли?

– Когда понял, что сам не выплывешь, сбросил не только бушлат, но и штаны с обувью, – практически не задумываясь, парировал контрразведчик, даже не попытавшись выяснить, что означает «мыльная опера». – Сознание уж после потерял, от недостатка воздуха. Так что подобрали тебя в одном исподнем, тельняшке да трусах. Время сейчас мирное, войны нет, так что никто всерьез копать не стал. А местной милиции твое командование могло ориентировку и не сбросить, поскольку это внутренние армейские дела. Да и бойцов твоих наверняка подробнейшим образом опросили. Когда броневик тонуть стал, командир уходил последним? Последним. До берега не добрался? Не добрался. А что твое, гхм, – Шохин смущенно кашлянул, – тело не нашли? Так мало ли что? Течением в открытое море унесло, допустим. Военные учения – не детские игрушки, не эта, как там ее, реконструкция! И невосполнимые потери бывают, и серьезные ранения, и любое командование об этом прекрасно знает...

Встретившись с ироничным взглядом старлея, контрразведчик тяжело вздохнул, буркнув:

– Ладно, согласен, идея откровенно сырая, требует серьезной дополнительной проработки. Просто ничего другого в голову пока не приходит. Но я еще подумаю.

– Подумай, конечно, – покладисто согласился морпех, решив дальше не развивать откровенно бесперспективную тему. – А пока смотри, вот это называется поисковая система, а нужна она для того, чтобы...

– Все так просто?! – удивленно переспросил Шохин спустя полчаса, понадобившиеся, чтобы в общих чертах научиться работе с интернетом. – Пишешь свой вопрос – и получаешь ответ? Точнее, сразу множество ответов, из которых еще и можешь выбирать тот, что тебе больше нравится?!

– Примерно так, – согласился, скрывая улыбку, Степан. – Главное, пользуйся именно этим поисковиком. Тем, другим, не стоит, он американский, а они нам злейшие друзья, которые хуже врагов. Потому и результаты поиска, и сайты, что он предложит для просмотра, мягко говоря, будут не слишком правдивыми. На первый взгляд вроде бы все правильно, а на самом деле – сам понимаешь. Короче, миллион изнасилованных немок и стоицистот тысяч расстрелянных лично товарищем Сталиным... все, все, не дергайся, извини! Я понял! Больше насчет товарища Сталина шутить не стану, обещаю!

– Вот и не шути, – буркнул товарищ, успокаиваясь. – А насчет наших «союзничков» не переживай, отлично помню, что ты мне про них еще в сорок третьем рассказывал. Я еще поучусь, добро? Тут много непонятного, но я постараюсь разобраться. Ничего не испорчу?

– Однозначно. Если вдруг что не так, просто жмешь вот на этот значок и возвращаешься назад. Ну, или меня зовешь. Короче, самообразовывайся, а я пока душ приму, коль ты не захотел, и местный музей осматриваю.

– Угу, – не отрываясь от монитора, кивнул капитан госбезопасности. – Иди, конечно...

Приняв душ, Алексеев простирнул тельняшку, натянув прямо на влажное тело – полотенце в санузле отчего-то не обнаружилось. Галифе и ботинки надевать не стал, оставил сушиться, пошлепав босиком.

Экспозиция поискового музея – хотя, наверное, все-таки правильное было бы называть его хранилищем находок – оказалась на удивление обширной. Великое множество самого разнообразного ржавого военного «железа», от разномастного оружия, касок и элементов экипировки всех воевавших сторон до инактивированных боеприпасов в разной степени сохранности. Даже манекены с образцами обмундирования имелись. На стенах – стенды с фотокопиями и оригиналами документов, черно-белые фотографии, карты и схемы боевых действий в районе Новороссийска и всей Кубани. Часть экспонатов оказалась с поясняющими подписями,

часть – без таковых. Обнаруженный Шохиним «токарев» относился к последним, чему Степан был только рад: прочитай особист нечто вроде «пистолет ТТ образца 1933 года, найден с останками неопознанного командира РККА», распахивался бы еще больше. А так? Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

Насчет же всего остального? Возможно, окажись тут морпех до своего попадания в прошлое, он бы воспринял молчаливые свидетельства давно прошедшей войны куда спокойнее, отнесясь к происходящему как к обычному посещению одного из музеев, которых он на своем веку повидал уже немало. Посмотрел, узнал нечто новое, до сего момента неизвестное, отдал долг памяти героическим предкам – и вернулся к своим проблемам и заботам.

Сейчас все было совершенно иначе.

За каждым экспонатом, будь то проржавевший остов ППШ или самозарядной винтовки, пробитая пулей фляжка или расколота осколком каска, он видел реального бойца. Не разложенную на пластиковом баннере горстку истлевших, черно-желтых костей, а именно что *живого бойца*; одного из тех, рядом с кем он провел две последние недели. Бойца, у которого имелись имя и фамилия. Который мечтал дожить до Победы, смеялся шутке товарища и вздрагивал всем телом, вжимаясь в каменистую новороссийскую землю под немецким артобстрелом. И который на долгие семьдесят с лишним лет остался в этой самой земле...

«Теперь понимаешь, отчего батя про Афган почти ничего не рассказывал? Даже когда ты училище окончил и звание получил?» – на удивление мягко осведомился обычно язвительный внутренний голос.

«Понимаю, – молчаливо согласился старший лейтенант. – Сам бы я тоже ничего и никому не стал говорить. Разве что батя, да только он ведь ни за что не спросит».

«Ну, коль понимаешь, значит, стал, наконец, настоящим воином», – подвел итог короткой дискуссии альтер-эго, отключаясь.

Вздохнув, Степан наткнулся взглядом на фотографию, видимо, отсканированную со старой газеты и основательно подредактированную при помощи компьютера – даже лица, несмотря на крупное «зерно» исходника, можно более-менее рассмотреть.

Подпись гласила: «Отделение морской пехоты 142-го отдельного батальона 255-й МСБр накануне десанта под Южной Озерейкой. Все из них погибли при высадке или во время боев на берегу, точное место гибели и захоронения неизвестно. Дата и место съемки – 3 февраля 1943 года, Туапсе».

Что именно заставило старлея взглянуть именно в этот – один из множества прочих – снимок, он и сам не понял. Словно толкнуло что-то изнутри, как электротоком дернуло. Хмурый, видимо, оттого, что заставили фотографироваться перед боем, старшина Левчук стоял почти по центру. Рядом с ним – Ванька Аникеев. Остальных бойцов морпех не знал или не запомнил. Зачем-то коснувшись пальцами заламинированной фотки, Алексеев кивнул, мысленно здороваясь с товарищами. Вот, значит, как? В этой реальности вы оба погибли, а в той, другой – уцелели. Жаль, отсюда никак не узнаешь, как там у вас сейчас дела.

И в этот момент старший лейтенант Степан Алексеев неожиданно и с какой-то пронзительной остротой понял, что он *должен* вернуться в сорок третий год. Останется там навсегда? Да и хрен с ним, значит, судьба такая. Ну, не может он иначе поступить, никак не может! Просто права такого не имеет иначе поступить!

Вот только с семьей и командованием разберется – знать бы еще, как именно? – и вперед. Ну, в смысле назад...

Возвращения товарища Шохин, всецело поглощенный всемирной сетью, даже не заметил. Судя по выводимым на монитор данным, контрразведчик усиленно штудировал историю Великой Отечественной и пока дошел только до осени сорок первого, видимо, сравнивая информацию из интернета с тем, чему сам оказался непосредственным свидетелем. Лежащий перед ним лист бумаги – тот, на котором неизвестный Степану предшественник изобразил

примерную схему параллельных миров, поскольку никаких иных писчих принадлежностей не имелось, а драгоценные блокноты продолжали мирно сушиться на подоконнике, – был густо испещрен какими-то пометками, сделанными убористым почерком.

Не удержавшись, Алексеев фыркнул:

– Серега, да не мучайся ты! Все это можно тупо распечатать, вон принтер стоит. Причем еще и с интервалами поиграть, чтоб место для твоих ценных комментариев осталось. Фигней же занимаешься, честное слово!

– Вернулся уже? – не обратив особого внимания на сказанное, осведомился товарищ. – Быстро ты. Слушай, тут столько всего, просто не верится! Неужели вся эта информация теперь каждому доступна?!

– Доступна, сам же видишь, – пожал плечами старлей. – Было бы желание узнать правду. Вот только с последним в моем мире все хуже и хуже. Да оставь ты карандаш в покое, сказал же, я тебе все это распечатаю. А уж дальше изучай, сколько влезет, хоть наизусть заучивай. Ты, кстати, разобрался, как фотки времен войны просматривать?

– Нет пока, руки не дошли. Читаю, сам же видишь. Слушай, Степа, ты б не мешал, а? Всею свое время. Я занят.

– Понял, – криво ухмыльнулся морпех. – Тырнет – та еще зараза, особенно для неподготовленных умов. Ладно, продолжай самообразовываться, хуже не будет. Не мешаю.

– Вот и не мешай, – сварливо согласился товарищ. – Уж сам как-нибудь разберусь, чем заняться, без советчиков. Свободен пока, товарищ старший лейтенант!

– Так точно, – фыркнул Алексеев, босиком прошлепав в сторону пока еще не исследованного помещения, где хранилась поисковая снаряга. Прихватив первый попавшийся спальник, раскатал его прямо на полу, забрался внутрь. Подложив под голову свернутый коримат, собрался было поразмыслить насчет будущих планов, однако вымотанный событиями крайних суток организм решил иначе, и старлей мгновенно отрубился, погрузившись в глубокий сон. Видимо, сказалось нервное перенапряжение последних недель и длительное воздержание, но старлею отчего-то приснилась загорелая студентка истфака Маша, из всей одежды на которой имелся лишь пробитый шальной пулей пробковый круг. Стыдливо прикрывая спассредством наиболее притягательные выпуклости и впадины, девушка загадочно улыбалась. Степан сделал шаг навстречу, однако Маша покачала головой, отступая. Еще шаг – и она, звонко рассмеявшись, бросилась бежать, с разбега плюхнувшись в море.

«Дура, зачем?! – ахнул морпех, кидаясь следом. – Пристреляно ж все, и десяти метров не проплывешь, срежут!»

Словно отзываясь на его мысли, откуда-то сбоку грохотнул длинной, в пол-ленты, очередью пулемет, судя по звуку – немецкий «эмгач». Пули ударили, раскидывая прибрежную гальку, по узкой полоске пляжа, полоснули, поднимая высокие фонтанчики, по воде, наискосок перечеркнули загорелую спину. Девушка сдавленно вскрикнула, сразу же начав тонуть; вспененная попаданиями вода окрасилась в карминовый цвет. Еще секунда – и на успокаивающей поверхности остался лишь бело-красный спасательный круг.

Добежавший до линии прибоя Степан обессиленно опустился на влажный песок. На душе, еще буквально только что исполненной радостью от неожиданной встречи, было пусто. Нашупав округлый голыш размером с кулак, старший лейтенант медленно встал. Вот и все, его последний бой. Фриц не стреляет, видимо, перезаряжается – отчетливо слышен металлический лязг, – значит, у него есть шанс. Жаль, другого оружия нет, только этот камень. Знал бы заранее, что все так выйдет, – раскопал захоронку, где и пистолет остался, и граната. Ну, да что уж теперь. Главное – успеть добежать, от удара таким булыжником никакая каска не спасет, а бить он собирается всерьез. Готов? Вперед, морпех!

Алексеев развернулся, собираясь броситься в свою последнюю атаку, однако запутался в невесть откуда взявшемся спальном мешке... и пришел в себя, как-то сразу, рывком проснувшись.

Лязгал не перезаряжающийся пулемет, а ключи в руке вернувшегося Виктора Егоровича. С любопытством взглянув на вскинувшегося морпеха, отведенная назад правая рука которого словно бы что-то сжимала, понимающе хмыкнул:

– Приснилось чего, Степа? Бывает. Меня, как из-за речки вернулся, почти полгода подобные сны мучили, даже спал отдельно от жены, чтобы не зашибить ненароком. А потом ничего, попустило. Ну, нормалек все? Очухался?

– Нормально... – хрипло пробормотал старлей, окончательно приходя в себя. – Долго я дрых?

– Так мне-то откуда знать?! Отсутствовал я часа два с половиной, а уж когда ты привалился, мне неизвестно.

– Удачно съездил? – смущенно осведомился морпех, поднимаясь на ноги и скатывая спальник.

– Так точно, – ухмыльнулся старый сапер, сделав вид, будто вытягивается по стойке «смирно». – Разрешите доложить, тарщ старший лейтенант! Полученное задание успешно выполнено, обмундирование, обувь и средства связи из расчета на двоих бойцов доставлены. Также удалось разжиться провиантом и алкоголем из расчета на три боевых рыла. Старший прапорщик Пчелин доклад окончил.

– Вольно, – фыркнул Степан. – Благодарю за службу. Тащи все в «кают-компанию», будем разбираться. Хотя, знаешь, Егорыч, погоди-ка минутку. Давай сперва в ваш музей заглянем? Вопрос один имеется, не хочу, чтоб Серега слышал.

– Пойдем, – кивнул тот, сгружая на пол несколько увесистых целлофановых пакетов, один из которых при этом многообещающе звякнул. – Что стряслось-то, Степа? С чего вдруг такая секретность?

– Да вот с этого, – Алексеев ткнул пальцем в ржавый ТТ. – Это его пистолет, понимаешь? Номер до последней циферки совпадает!

– Понимаю, – согласился поисковик. И добавил, смущенно кашлянув: – А «его» – это кого?

– Да Сереги же! Ну, то есть капитана госбезопасности Шохина! У него второй точно такой же в полевой сумке лежит, только, блин, лет на семьдесят поновее. А подписи тут никакой нет, вот я и решил узнать, как и где вы его нашли? И с кем? А то он, как случайно это ржавье обнаружил, малость запаниковал, мол, убили меня, все дела...

Пчелин медленно кивнул:

– В сентябре, при освобождении города. Если по остаткам снаряги судить, предположительно офицер. Но ни звания, ни личности никак не определить, перемолотило все, близкое попадание – мина буквально под ногами рванула. Сам же видишь, в каком состоянии «тэтэшник» нашли. Из более-менее крупных находок только этот самый пистолет да хвостовик гнутый – вон он лежит, рядышком. А из костных останков едва треть сохранилась, да и то в виде отдельных фрагментов, остальное или истлело, или взрывом раскидало. Перезахоронили в братской могиле, вместе с другими неопознанными бойцами. Только знаешь что, Степа? Совершенно не факт, что это именно твой товарищ был. Я за годы поиска таких чудес насмотрелся, начну рассказывать – не поверишь! Потому и пистоль этот по большому счету еще ничего не доказывает. Осколок, что скобу своротил и в рукоятке застрял, мог в него когда угодно угодить. А как с битым оружием после боя поступают, сам знаешь: убедились, что из боевого состояния выведено, да в ближайшую воронку и скинули – саперный сброс называется.

– Да я ему приблизительно так и объяснил, – кивнул Степан.

Старший прапорщик вздохнул:

– Правда, тут одно «но» имеется: никакого другого железа в той воронке, где мы этого бойца нашли, не имелось. Так что, ежели начистоту, это, скорее всего, именно его пистолет. Да, вот еще чего вспомнил – там еще граната была, эфка с вкрученным запалом. Но ее, сам понимаешь, в экспозиции не имеется, поскольку, согласно требованиям действующего законодательства, уничтожена вместе с прочими обнаруженными ВОПами¹...

– Ясенько, – кивнул Степан. – Тогда последний вопрос: где инфу про него можно поискать? Наверняка ж есть какие-то специальные базы данных о сотрудниках органов?

– Понял тебя, сам этим вопросом займусь. Если что, сделаю пару звоночков, попрошу помощи у старых товарищей, связи имеются, мы ж не только армейцев находим, так что сотрудничаем плотно. Ну, так что, пошли обновки примерять?..

¹ ВОП – взрывоопасный предмет.

Интерлюдия

Москва, Кремль, 16 февраля 1943 года, вечер

– Как это могло произойти?! – раздраженно буркнул Иосиф Виссарионович, захлопнув папку с донесением. – Сначала самолет, теперь корабль...

– Всего лишь небольшой катер типа «Малый охотник», – автоматически поправил Берия, стараясь не встречаться со Сталиным взглядом. – Виноват!

– Ай, какая разница? – досадливо отмахнулся тот. – «Морпех» должен был оказаться в Москве еще три дня назад! Три дня назад, Лаврентий! Скажи, ты точно уверен, что это именно очередная случайность, а не предательство?

– Абсолютно точно, товарищ Сталин! – решительно мотнул головой Лаврентий Павлович. – После нашего успешного наступления и освобождения части Новороссийска фашистская авиация всерьез активизировалась, всеми силами стараясь нарушить морское сообщение с Большой землей. Атакуют любые плавсредства, даже одиночные маломерные суда – этим же утром были потоплены два мотобота и сейнер с ранеными, все погибли. Просто чудо, что этот катер, несмотря на полученные повреждения, сумел дотянуть до Геленджика. Так что произошедшее – просто роковая случайность. На момент падения немецкой авиабомбы «морпех» вместе с капитаном Шохиным находились на палубе, откуда их и сбросило в море ударной волной. Видимо, сильно оглушило взрывом, поэтому сразу утонули. Информация достоверная, подтверждена экипажем.

– Из которого больше никто не погиб? – иронично хмыкнул Сталин, немного успокоившись и занявшись набиванием трубки.

– Несколько моряков, находившихся в носовом кубрике и камбузе, ранило и контузило, но других погибших нет, – согласился народный комиссар. – Я прекрасно понимаю, о чем вы думаете, товарищ Сталин! Но это и на самом деле стечение обстоятельств. По прибытии на базу с экипажем проведена оперативная работа, особенно с теми, кто был в рубке и мог видеть что-то важное. Все показания совпадают: Алексеев с Шохиным стояли на палубе по левому борту, о чем-то разговаривали. Когда появился немецкий самолет, капитан госбезопасности побежал в сторону рубки, вероятно, хотел забрать из каюты портфель с трофейными документами. Старший лейтенант бросился следом, догнал и оттолкнул к борту, не позволив спуститься вниз. Спустя секунду – взрыв, бомба ударила буквально в метре от катера.

– Их пытались спасти?

– На поверхности уже никого не было, даже сорванного взрывом спасательного круга. Кроме того, «охотник» получил серьезные повреждения, в носовые отсеки начала поступать вода, поэтому капитан принял решение продолжать движение, пока машины еще работали. До Геленджика добрались чудом, на подходе едва не затонули. В тот квадрат сразу же был отправлен быстроходный торпедный катер, но никого не нашел.

– А эти документы, за которыми побежал твой сотрудник?

– Все цело, портфель доставлен в штаб фронта, печати не сломаны, его никто не вскрывал.

– Глупо вышло, – пробормотал Иосиф Виссарионович, закуривая. – Совсем глупо. Получается, «морпех» испугался за товарища, не разрешив тому укрыться внутри, и тем самым погубил и его, и себя.

– Его можно понять. Не промахнись немецкий пилот, шансов выжить у находящихся в кубриках не осталось бы. Алексеев не мог знать, что принимает ошибочное решение, – бомбят фашисты точно.

– Да все я понимаю, – досадливо отмахнулся Сталин. – Обидно просто, что все так глупо получилось! Знаешь, Лаврентий, у меня такое ощущение, словно кто-то сильно не хочет, чтобы мы встретились с этим «морпехом». Хотя помощь он нам уже оказал, очень серьезную помощь.

– Это война, товарищ Сталин, – пожал плечами Берия. – Всякое случается.

– Ладно, закончим с этим. Когда самолет пропал, мы тоже считали, что он погиб. А он взял и вернулся. Что с Новороссийском?

– Плацдарм существенно расширен, войска закрепляются на новых позициях, активно используя для организации обороны здания пригородной застройки, идет переброска подкреплений. Противник пока выдерживает оперативную паузу, контратаковать не пытается. Самое главное – теперь у нас есть возможность разместить куда большие силы как для обороны, так и для будущих ударов, в том числе артиллерию.

– А «морпех» писал, что мы город только к сентябрю освободим, – задумчиво протянул Вождь. – Получается, сам написал и сам же придумал план, как все можно в нашу пользу изменить. Интересно... Что ж он так не вовремя погиб-то?! Наверное, совсем товарища Сталина не уважает. Не смотри так, Лаврентий, это я шучу. Все, свободен, работай...

Дождавшись, пока народный комиссар покинет кабинет, Иосиф Виссарионович выложил на рабочий стол пухлую папку с перепечатанными на пишущей машинке «воспоминаниями о будущем» старлея Алексеева. Нашел нужный лист, озаглавленный «Весенне-летняя кампания Вермахта. Операция «Цитадель». Курский выступ». Разложил и разгладил ладонью испещренную цветными пометками карту, прилагавшуюся к этой части документа. Задумчиво пробормотал, затянувшись ароматным табаком:

– Значит, ты, товарищ «морпех», пишешь, что в июле мы фашистам окончательно хребет сломаем? И произойдет это именно тут, в районе Курского выступа? Ну, что ж, поглядим. Вот только к чему нам ждать, пока немцы первыми начнут? Как там древние говорили, «предупрежден – значит, вооружен»?..

Глава 4. Отец

Новороссийск – Ростов, наши дни

Бывший командир разведбата майор ВДВ Валерий Сергеевич Алексеев проснулся на свете. Полежав, бессмысленно пялясь в потолок, несколько минут, убедился, что больше уже не уснет. Тяжело вздохнув, осторожно, чтобы ненароком не разбудить сладко сопящую жену, встал с постели и вышел на балкон, плотно прикрыв за собой дверь. Опершись на перила, с удовольствием вдохнул полной грудью пока еще прохладный ночной воздух. Почти половина пятого, хорошее время – «собачья вахта» уже закончилась, и ночь, признав свое поражение, отступила перед напором зарождающегося дня. Там, в Афгане, майор любил эти первые рассветные часы, означавшие, что моджахеды не решились на ночную атаку и пацаны на постах благополучно пережили еще один день «за речкой». Плохо только, что скоро снова навалится жара, если верить синоптикам, как никогда аномальная.

Не оглядываясь, нащупав на узком подоконнике пачку сигарет, вытащил одну. Прикурил, чисто автоматически прикрыв огонек зажигалки широкой ладонью. Первая затяжка, как водится, неприятно дернула горло, вторая пошла мягче. В который уже раз задумался, прав ли он был, что так и не рассказал Светке о пропавшем во время маневров сыне? Наверное, прав, поскольку «чуйка» – та самая, что не раз спасала жизнь в Афганистане, – по-прежнему молчит. А коль молчит, значит, Степка жив! Или... ему просто хочется в это верить? Верить слепо, не обращая внимания ни на какие объективные факты; верить, как верят в самую искреннюю молитву? С неделю назад он даже в церковь пошел, едва ли не во второй раз в жизни, надеясь хоть там получить какой-то ответ. Ответа, по крайней мере прямого, не последовало, но спокойнее стало, а в душе появилась еще большая убежденность, что он не ошибается; что Степан не погиб и не пропал без вести, как оба его деда. Еще и сон после этого странный приснился: улыбающийся сын в черном флотском бушлате и с немецким автоматом в руках стоял на фоне каких-то затянутых дымом руин. Валерий Сергеевич захотел было рвануться к нему, обнять, расспросить, что произошло, но тот, внезапно став серьезным, отрицательно мотнул головой:

– Нет, батя, тебе сюда нельзя. Да и не сможешь ты пройти, это не твоя война. Вернись, все объясню, а пока – жди. Ты правильно сделал, что мамке ничего не сказал. И что в храм ходил, тоже правильно. Кстати, теперь я понимаю, почему ты про Афган не любил рассказывать. Ну, все, бывай, скоро увидимся...

Интересно, отчего сейчас на душе... нет, не тревожно, просто ощущение, что сегодня что-то должно произойти. Не плохое, скорее, *важное*. И словно бы как-то связанное с тем самым сном и пропавшим сыном.

Раздраженно дернув щекой, бывший десантник затушил окурок в пепельнице и бесшумно прошел на кухню. Не включая света – уже почти совсем рассвело, – вытащил из холодильника бутылку водки, налил полстакана и выпил махом, словно простую воду. Лежащий на столе смартфон помаргивал сигналом принятого сообщения. Сообщение оказалось от старого товарища, старшего прапорщика Пчелина, вместе с которым они оттрубили в Афганистане два срока. Затем сапер подорвался на душманской ловушке и с изуродованной кистью улетел транспортным бортом в Союз, а Валерий задержался на третий срок, покинув горную страну буквально перед самым выводом оттуда ограниченного контингента советских войск.

«Здоров, командир. Есть хорошие новости по твоей проблеме. Только горячку не пори и не дергайся, все подробности завтра. Жди, отпишусь или позвоню».

Еще ничего не понимая (и в то же время отчаянно, буквально до одури боясь *ошибиться*), взглянул на время отправления. 23:45, вчера. Если Пчелин имел в виду Степана – а кого еще?! Других проблем у майора Алексеева вроде бы не имеется, – то необходимо же что-то делать! Звонить или сразу ехать в Новороссийск. Твою ж мать, какого хрена он водки-то

выпил?! Теперь ведь и за руль не сядешь. Хотя Витька просил не пороть горячку, а он слов на ветер не бросает. Значит, нужно ждать, пока сам выйдет на связь. А уж ждать разведчиков воздушно-десантных войск СССР учили хорошо, отлично, можно сказать, учили. Вот только пить он больше не станет, возможно, все-таки придется куда-то ехать.

Без малейшего сожаления убрав обратно бутылку, Валерий Сергеевич вернулся в спальню. Осторожно прилег на успевшую остыть простыню, приятно охлаждающую тело, закинул руки за голову. Смартфон, убавив звук до минимума, положил на пол рядом с кроватью. Заснуть он, понятно, уже не заснет, но нужно полежать с часок-другой, а уж там можно будет и Пчеле звонить. Или Витька сам свяжется, как и обещал.

Голова вдруг стала тяжелой, и майор Алексеев неожиданно даже для самого себя погрузился в крепкий, без сновидений сон. Из которого его вырвал звонок мобильного телефона...

* * *

– Совсем другое дело, – удовлетворенно кивнул Виктор Егорович, придиричиво оглядев переодевшихся в джинсы и футболки товарищей. – Теперь не стыдно и на улицу выйти. И с размерами угадал, хоть ни разу не каптерщик. Глаз-алмаз, как в моем ремесле и положено. Ну, нормально же?

– Сойдет, – согласился Степан, с ухмылкой разглядывая Шохина. – Тарщ капитан, как вам?

– Удобно, – мрачно согласился тот, одернув слегка помятую футболку и переступив с ноги на ногу. – Штаны хорошие, вот только обувь больно непривычная. Но в целом ничего. Можно ехать за спасательным кругом.

– Это называется «кроссовки», – пояснил морпех. – Спортивная обувь, короче. Можно тренироваться, можно просто так носить.

И добавил, проигнорировав последнюю фразу товарища:

– Егорыч, со связью удалось разобраться?

– А как же, – подмигнул поисковик, выкладывая на стол пару не первой свежести кнопочных мобильных телефонов. – На первое время сойдет, а там и получше гаджеты подыщем, – блеснул он знанием современных терминов. – Поспрашиваю у моих бойцов, они парни продвинутые, наверняка найдут у себя парочку бэушных смартфонов, так, чтоб и инет имелся, и прочие прибаамбасы. Ну, или сам купишь, как с батареей свяжешься. Зато эти – надежные, что твой «калаш». Хоть на бетон роняй, хоть пивные бутылки открывай.

– Я в курсе, – фыркнул Алексеев. – С симками тоже, гляжу, проблему решил?

– Обижаете, товарищ старший лейтенант, сделал все в лучшем виде. Можно звонить. А за каким спасательным кругом нам ехать нужно? И куда ехать?

– Да тут недалеко, примерно в полукилометре от того места, где ты нас утром подобрал. Требуется забрать кое-что из нашего скарба. Не громоздкое, но достаточно противозаконное и однозначно подпадающее под статью о незаконном хранении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Смотаемся?

– Без проблем, – кольнув старлея острым взглядом, пожал плечами старый сапер. – Надеюсь, миномет с боекомплектom вы с собой не притащили? Вот только товарищ капитан пускай нас тут подождет, если вдруг тормознут, наши с тобой личности хоть установить можно, отмажемся, а вот с ним совсем нехорошо может выйти.

– Серега? – Алексеев взглянул на контрразведчика.

– Товарищ прапорщик дело говорит, – серьезно кивнул Шохин. – Как ни крути, я нынче в любом случае на нелегальном положении числюсь. Чистый партизан, понимаешь ли! Побуду в штабе, я еще не со всем разобрался, работы непочатый край. Только сперва научи переносным телефонным аппаратом пользоваться, мало ли что. И не задерживайтесь, дело серьезное!

– Так точно, тарщ командир! А касательно мобилы, смотри, входящий вызов принимать вот так, а самому звонить – так. Уловил? Блокировку я убрал, для включения просто жмешь пару секунд на эту кнопку. Номера, мой и товарища прапорщика, в память забил, вот они. Вроде бы все. Разрешите приступить к выполнению задания по розыску ценных артефактов?

– Трепло, – привычно вздохнул тот. – Разрешаю. Одна нога тут, другая тоже. Товарищ старший прапорщик, вы уж присмотрите за старлеем, душевно прошу! А то он у нас человек увлекающийся, особенно ежели живого фашиста увидит.

– Ну, с этим у нас, тьфу-тьфу, уж лет семьдесят как спокойно, – ухмыльнулся Виктор Егорович. – Если и появляются отдельные *личности*, мы с ними своими силами справляемся, так сказать, без вмешательства соответствующих государственных органов. Но за Степой я, понятное дело, пригляжу, не волнуйтесь. У старшего «хомута» Пчелина не забалуешь! Поехали, тарщ лейтенант?

– Поехали. Только б лопатку какую прихватить, доской копать не шибко удобно.

– Обижаешь, Степа, у настоящего поисковика и складной «фискарик» в багажнике имеется, и пятидесятая «сапёрка», она же МПЛ², причем раритетная, времен царя-батюшки. Экскаватора, извини, не имею, дорогой, зараза, и едет медленно...

С изъятием содержимого захоронки никаких проблем не возникло, благо дикий пляж оказался практически пустым, лишь метрах в тридцати загорала парочка пляжников, на которых Алексеев никакого внимания не обратил. Найдя нужное место, Степан в пару ударов лопатой раскидал глину, передав товарищу кобуру с пистолетом, штык-нож, толовую шашку, гранату и, понятное дело, спасательный круг. Все, кроме спассредства, Егорыч упрятал в небольшой рюкзачок, круг же просто закинул на плечо – и законом не запрещено, и внимание отвлекает. Замаскировав раскоп, товарищи двинули в сторону оставленной автомашины, спустя полчаса благополучно вернувшись в штаб поискового отряда.

По-прежнему сидящий за компом Шохин удовлетворенно кивнул:

– Быстро обернулись, молодцы. Я так понимаю, все в порядке?

– Так точно, – согласился Пчелин, выкладывая на стол спасательный круг. – Степа мне тут кое-что объяснил по дороге, проверить бы нужно. А уж затем и покушаем нормально. Жратва, понятно, быстрого приготовления, но все лучше, чем сухпай. По крайней мере, горячая.

При помощи длинного хирургического пинцета, используемого поисковиками в работе с извлекаемыми из медальонов анкетами павших бойцов, Виктор Егорович вытащил из пробки пулю. Осмотрев, протянул Степану:

– Как по мне, один в один, как и та, что ты мне на Вахте показывал. По крайней мере, однозначно фрицевская, семь-девятисто-два. Только поновее, еще даже в нарезках не окислилась. Приберешь? Насколько понял, она должна при тебе находиться.

– Дай глянуть, – отчего-то внезапно охрипшим голосом попросил контрразведчик.

Смерив товарища удивленным взглядом, Алексеев передал ему пулю. Интересно, с чего Серега так разволновался? Боится, что вот прямо сейчас нас перекинет обратно и он не успеет собрать информацию? Так глупости, вряд ли ЭТО так просто работает. Тут, очень на то похоже, нужно сочетание сразу нескольких факторов – знать бы еще, каких именно. Круг, пуля, море, опасность... да хрен его разберешь! А может, и не нужно, и этот самый спасскруг вместе с пулей – просто символ.

– Забери. – Шохин в волнении облизнул губы. – Можешь не верить, но мне ее... хм... как-то неприятно в руках держать, выбросить отчего-то хочется. Спрячь в карман, пусть при тебе будет.

² Пчелин имеет в виду МПЛ-50, носимую малую пехотную лопату длиной 50 сантиметров, в просторечье обычно называемую «саперной лопаткой».

Пожав плечами, морпех запихнул пулю в боковой карман джинсов:

– Серега, да нет тут никакой мистики, не выдумывай! Просто пуля... хотя ладно, мы с тобой и на самом деле пока ни хрена не понимаем. Нашел что-то интересное?

– Да тут все интересное! – хмыкнул контрразведчик. – Кстати, я научился фотографии смотреть, их здесь столько, что глаза разбегаются! Жаль, практически не систематизированы по годам и датам, сложно работать. Но сохранять их внутри прибора я уже умею, даже папку специальную создал – на этом, как ты там его называл? «Рабочем столе»? Кстати, ничего особенно сложного.

– Разберешься, – усмехнулся Степан, мысленно поразившись тому, как быстро Шохин освоил интернет. Так что ошибаются товарищи писатели-фантасты, когда говорят, что контакт предков с высокими технологиями обязательно вызовет у них некий «футурошок» и прочий ступор, однозначно ошибаются! А вот и хренушки! Буквально всего каких-то пару часов – и человек из сороковых годов практически самостоятельно разобрался с главным детищем «просвещенного» XX века. И морпех отчего-то не сомневался, что еще немного, и Сергей методом проб и ошибок освоит даже то, чего не умеет и он сам. Незашоренность сознания и готовность учиться, воспринимать новые, даже самые неожиданные знания, угу...

– Только сейчас ты сделаешь паузу, и мы нормально поедем. Товарищу прапорщику нужно немного поработать с компом. Верно излагаю, Егорыч?

– Абсолютно, – серьезно кивнул поисковик. – Я нам сейчас перекусить сварганю, покупаем горяченького, а затем с часок в базах данных покопаюсь. Попробую выяснить касательно вашей судьбы, товарищ капитан. Вы ж, насколько мне Степа объяснил, сильно насчет этого вопроса интересовались?

– Интересовался, – не стал спорить Шохин. – Сумеете помочь?

– Думаю, сумею, – ответил Пчелин, занимаясь готовкой. – Только, чтобы панику не разводить, нужно одну-единственную вещь осознать: даже если вы и погибли героически, так исключительно в этом мире. Вам ведь Степа уже наверняка про параллельные миры объяснил, вон, листок знакомый лежит, на примере которого и мне самому про все это порассказали. А в том мире, который наш Степан, сам того не желая, создал, вы наверняка живы и здоровы.

– Я в курсе, – сухо кивнул особист. – Не со всем согласен, но и спорить аргументов не имею.

Неожиданно широко улыбнувшись, контрразведчик добавил, отстраняясь от клавиатуры:

– Ежели начистоту, товарищи, так жрать хочется, что аж кишки друг за дружкой со свистом гоняются! Да и выпить бы не помешало, поскольку голова от всего случившегося откровенно кругом идет.

– Вот и договорились, – с облегчением кивнул Пчелин. – Минут двадцать, и будем кушать. Кстати, Степа, вот тебе оружейное масло, ты спрашивал, оружие, что ли, обслужите, морская вода она такая, коварная. За гранату не переживай, я ее разоружил и вместе с пашкой прибрал, нечего такому добру на видном месте валяться. Да и бойцы мои могут случайно обнаружить, а оно мне совершенно не нужно.

Пока товарищи занимались чисткой и сборкой-разборкой пистолетов, поисковик соорудил ужин. Покушали, употребив граммов по сто пятьдесят водки, после чего прапорщик отправил обоих отдыхать в соседнее помещение, занявшись компьютером. Поисками информации о Шохине он занимался почти час, то сидя за компом, то выходя на улицу и с кем-то разговаривая по телефону – видимо, не хотел, чтобы они с Серегой слышали подробности. Наконец, протянул контрразведчику распечатанный на принтере листок, заполненный убогим текстом:

– Вот все, что удалось раскопать. Новости, как водится, и хорошие, и плохие. Из плохих – вы, товарищ капитан, и на самом деле погибли, точнее, пропали без вести, двенадцатого сентября, во время боев за окончательное освобождение Новороссийска. Отчего так, лично я отлично понимаю, поскольку видел, в каком состоянии находились останки, вместе с которыми

«тэтэшник» нашли. На плацдарм прибыли в конце мая, заменив одного из погибших местных особистов.

– Что насчет семьи? – Как ни странно, информацию о собственной гибели Шохин воспринял совершенно спокойно, видимо, уже свыкся с этой мыслью.

– Вот это как раз хорошая новость! – просиял Виктор Егорович. – Из эвакуации вернулись в сорок четвертом, живыми-здоровыми, и жена, и дочка. Да и потом все нормально сложилось. Короче говоря, на данный момент у вас имеется два внука, внучка и пятеро правнуков разного пола. На листке – их имена-фамилии и адреса с телефонами. Инфа, понятно, не из открытого доступа, но старые товарищи, как Степке и обещал, помогли. А уж как с ней дальше поступить, сами решайте, тут я не советчик.

– А как бы вы поступили, товарищ прапорщик? – глухо спросил контрразведчик, положив лист перед собой текстом вниз и прихлопнув его ладонью.

– Я-то? – отчего-то стушевался Пчелин, быстро переглянувшись со Степаном. Алексеев отвел взгляд, поскольку ответа у него не было. – Вам честно сказать? Ну, ежели честно, то понятия не имею. Наверное, искал бы по соцсетям – Степка вам потом покажет, что это за зверь такой, – поглядел на выложенные фотки. Но лично встречаться? Нет, не стал бы. Зачем? Да и как объяснить, кто я такой и каким образом в этом времени появился? Была б жена жива, может, и съездил к ней, рассказал все, а уж там – поверит, не поверит – второй вопрос. Но она умерла еще в восемьдесят седьмом... ох, извините, тарщ капитан, вы ж еще мою распечатку не читали, – смущенно хмыкнул сапер, наткнувшись на взгляд особиста.

– Спасибо, я все понял, – кивнул Шохин. – Мужики, вы уж простите, но можно, я этот документ в одиночестве прочитаю? Только водку оставьте...

– Не застрелится, часом? – с опаской шепнул Виктор Егорович, следом за старлеем покинув «кают-компанию» и плотно прикрыв за собой металлопластиковую дверь.

– Кто, Серега-то? – невесело фыркнул Алексеев. – Не дожدهшься, не тот он человек. Я б на его месте тоже захотел наедине с самим собой побыть. Еще бы и напился в полную зюзу.

– Вот, кстати, насчет «его места»: Степа, ты отцу когда звонить-то собираешься? Вечер уже, и телефон имеется, а ты все никак не отдупишься. Нехорошо, старлей!

– Так вот именно, что вечер, – мотнул головой морской пехотинец. – Ну, позвоню я ему сейчас – ты что, батю моего не знаешь? Мигом за руль прыгнет и сюда рванет, а ехать почти полтыщи кэмэ, сам же говорил. Ночью, на эмоциях. Да если с ним в дороге что случится, я себе никогда не прощу! Так что утречком, как проснусь, на свежую голову и позвоню. Заодно и мозги в порядок придут, а то у меня, если начистоту, в башке полный винегрет. Ты ж пойми, буквально десять часов назад я находился в сорок третьем под немецкой бомбежкой, а потом – р-раз! – и провалился на восемьдесят лет в будущее. Ну, в смысле в настоящее, понятно, но это с моей точки зрения, не с Серegiной. Короче, не дави на мораль, ладно? Дай оклематься и в себя прийти, чтобы глупостей не наделать!

– Ну, может, ты и прав... – задумчиво протянул старый сапер. – Ладно, я пока ваши телефоны заряжу да спальные места подготавлию. Подъем ранний будет, сразу предупреждаю.

– Договорились. И еще раз спасибо, Егорыч! Даже не представляю, как бы все обернулось, если б не ты.

– Да иди ты, старлей, в баню! Тоже мне, нашел, за что благодарить! По моим меркам – ну, ты в курсе, о чем я, – ты вроде как из дальнего разведывочного вернулся. Так что отдыхай да сил набирайся, утро вечера мудренее, тут ты прав. Единственное, pistols ваши мне отдай, тоже припрячу. Тут они вам не понадобятся, а на виду держать – себе дороже. Пошли, поможешь со спальниками разобраться. Затем я домой рвану, чтобы Валентина Павловна не нервничала, а часиков в восемь вернусь, побудку сыграю и завтрак обеспечу. И за товарищем своим пригляди, мало ли что. Как с нервами справится – ну, или там напьется, – постарайся

спать уложить. А не захочет – сильно не упорствуй, пусть и дальше в сети сидит, там для него еще много чего интересного имеется. Короче, сам разберешься, не маленький...

* * *

Вызов приняли на третьем гудке, и в непривычной трубке – за десяток лет Степан уже успел отвыкнуть от кнопочных телефонов – раздался знакомый голос:

– Слушаю?

– Привет, батя, это я... – заранее заготовленная фраза прозвучала откровенно фальшиво, еще и горло внезапно свело предательским спазмом. Что говорить дальше, старлей просто не знал.

– Здоров, сынок, вернулся? – голос отца казался совершенно спокойным, вот только Степан даже не догадывался, *чего* это стоило бывшему десантнику. – Давно?

– Вчера, – автоматически ответил старлей, еще не успев осмыслить сути заданного вопроса. – погоди, так ты знаешь?! Егорыч рассказал?

– Егорыч тут ни при чем, сынок. Да и что он мог рассказать-то? Во время нашей последней встречи нес какую-то ахинею про твой перочинный нож, что на Малой земле поисковики откопали. Тут другое... короче, не телефонный разговор. Ты с комбатом уже связывался?

– Нет пока. Да и прямого номера не знаю, не на КПП ж по телефонному справочнику звонить? Собственно говоря, в моей ситуации лично явиться для доклада положено.

– Тогда и не спеши, хочу сперва сам твою историю выслушать, а уж там решим, что Максиму Владимировичу рассказывать, а что нет. Вместе к нему поедом, все равно давно собирався старого товарища навестить. Маме что говорим?

Алексеев облегченно выдохнул, позволив себе чуть-чуть расслабиться:

– Ну, насколько понял из объяснений Виктор Егорыча, я вернулся со спецкурсов перед отправкой в заграникомандировку в некую жаркую страну, так?

– Ну, да, типа того... – смущенно ответил отец. – А что я должен был придумать? Знал бы ты, каково мне было, когда Ткачев позвонил да известием огорошил. Хорошо, еще в Афгане отучился по первому же поводу в панику впадать. Да и чувствовал я, что ты живой, вот хочешь – верь, хочешь – не верь, но чувствовал. Точнее – знал...

В трубке сдавленно вздохнули, и на несколько секунд воцарилась тишина. Судя по звукам, отец торопливо закуривал.

– Верю, батя, вот честное слово – верю! И знаешь что? Ты даже представить себе не можешь, о чем я тебе при встрече расскажу.

– Догадываюсь, – успокоившись, буркнул Валерий Сергеевич. – Все, отставить сопли! Через пару часов смогу выехать, только машину подготовлю. Добро?

– Не нужно, сам приеду, рейсовым автобусом, они практически каждый час ходят. Так лучше будет, потом объясню почему. А вот затем нам с тобой, возможно, придется покататься, и в Новороссийск, и в Темрюк. Как выеду – отзвонюсь, договорились? Маме привет, уже можно сказать, что сынок с курсов живым-здоровым вернулся. – Степан, не сдержавшись, фыркнул. И, поколебавшись, добавил: – Батя, и это – спасибо тебе!

– Да за что, сынок?! – искренне не понял Алексеев-старший.

– Просто за то, что верил в меня, что ждал. – Ощутив, как подозрительно зашипало глаза, морпех торопливо завершил разговор: – Все, батя, пора бежать, иначе на автобус опоздаю. Конец связи, тарщ майор!

– Связи конец, старлей, – глухо ответил десантник, сбрасывая вызов.

Осторожно, словно неразрывавшуюся ручную гранату, положив смартфон на стол, до хруста в пальцах сжал кулаки. Несколько раз с силой вдохнул-выдохнул, успокаивая взведенные до предела нервы. Вроде попустило...

– Валер, ты чего ни свет ни заря подскочил, выходной же? – в кухню заглянула сонная жена. – Телефон схватил, побежал куда-то, меня разбудил. Случилось что? Кто звонил-то?

– Нормально все, Ленусь. Степка вот отзвонился, обещал сегодня заехать. С курсов – помнишь, я рассказывал? – вернулся.

– Так чего сидишь-то? – возмутилась супруга, мгновенно переходя в боевой режим хранительницы семейного очага и рачительной домохозяйки. – Дуй в магазин и на рынок, сейчас список покупок набросаю, а то снова что-нибудь купить забудешь! Нужно же вкусенького приготовить, стол накрыть, а то он уж месяц как на казенных харчах. Давай-давай, не нужно мне этих осуждающих взглядов. Умылся-побрился – и вперед, десант! Родина зовет! А Родина – она, как известно, мать!..

Глава 5. Разговоры

Новороссийск – Ростов, наши дни

На отъезд Степана контрразведчик, с самого утра снова засевший за компьютер, от которого накануне его удалось оторвать с большим трудом, объяснив, что сохраненная информация за ночь никуда не денется и смысла ее сразу распечатывать нет, отреагировал спокойно. Напомнил только, что при разговоре с непосредственным командованием следует до последней возможности избегать упоминаний о некоем капитане госбезопасности Шохине. Да и вообще, не отбрасывать окончательно придуманную оным капитаном версию насчет потери памяти и пребывания в больнице. Ну, а уж коль совсем припрет, то рассказывать, как есть, постаравшись при этом сперва сообщить ему о проявленном интересе при помощи мобильной связи (пользоваться мобильником, принимая звонки и СМС и даже отвечая на последние, особист научился уже достаточно уверенно).

После чего... заставил Степана вытащить из кармана злополучную пулю и запихнуть ее, пусть и не особо глубоко, обратно в пробковый круг – сам он брать загадочный артефакт в руки по-прежнему категорически не желал.

Основательно обалдевший старлей сделал, как просил товарищ, уже позже, по дороге в родной Ростов, догадавшись, к чему была эта странная просьба: судя по всему, в самом крайнем случае особист хотел попытаться самостоятельно вернуться в сорок третий год. Вопрос, каким, собственно, образом, понятное дело, оставался открытым, поскольку ответа на него не знали ни сам Шохин, ни морпех...

Уже прощаясь, Алексеев озвучил контрразведчику пришедшую ночью мысль:

– Серега, я смотрю, ты в основном все историю Великой Отечественной штудируешь? Дело однозначно нужное и полезное, вот только мой тебе совет – войну мы в любом случае выиграем, потому лучше займись сбором информации об окружении Сталина. Буквально обо всех. Про Хрущева со товарищи я уже рассказывал, но ты копни поглубже, как умеешь. Только не бери данные из одного источника, используй сразу два-три ресурса, сравнивай и перепроверяй, интернет – та еще помойка. Создай отдельный файл на каждого человека, особое внимание удели ЦК и ближнему окружению, потом все распечатаем. Да и про свою контору тоже не забывай, в том числе и про товарища наркома. Если удастся передать сведения лично Самому, глядишь, Иосиф Виссарионович и проживет подольше, и сделает побольше. Да и вся история того мира и того СССР совсем иначе пойдет. На послевоенное мироустройство опять же внимание обрати, на американцев с британцами особенно – кое о чем я писал, но я не профессиональный историк, а у тебя сейчас есть возможность узнать подробнее. Ну, думаю, ты меня понял!

– Понял, – смерив старлея острым взглядом, коротко кивнул особист. – Сам к подобному мнению пришел, еще вчера. Буду работать, особенно по первому пункту. Хоть и страшновато, откровенно говоря, поскольку там *такие* фамилии всплывают...

– Страшновато?! – откровенно опешил Степан. – То есть когда мы безо всяких гарантий на успех в прорыв по немецкой территории шли, тебе страшно не было? И попасть в абсолютно чужой мир, где давно нет твоей страны, и буржуи на шикарных тачках по городу рассекают, тоже не страшно, а работа с архивными данными восьмидесятилетней давности тебя вдруг испугала?!

– Ты не понимаешь, Степа, – неожиданно тихим голосом ответил Сергей, глядя куда-то в сторону. – Это здесь все эти сведения – не более чем история. Зато *там*, в моем мире, – это смертный приговор. Если информация попадет не в те руки, нам с тобой и часа не прожить. Ну, ежели вообще сумеем вернуться, конечно. Все, езжай, отвлекаешь, а мне еще работать и работать!

Пчелин довез Степана до автостанции, взял билет и лично усадил в междугородний автобус, с усмешкой буркнув на прощание:

– Ну, вот, так-то оно лучше. А то снова пропадешь куда, а мне перед товарищами капитаном и майором отвечать. Счастливой дороги, как доберешься, сообщи. Бате привет.

– Передам, – улыбнулся Алексеев, крепко пожимая протянутую руку. – За Серегой приглядывай, главное, на улицу без крайней нужды не выпускай. Если влипнет в неприятности, будут проблемы, причем у всех нас. И еще, помоги ему со сбором информации, ты слышал, о чем я говорил. Это и на самом деле важно. Коль уж удалось что-то всерьез изменить, нужно использовать эту возможность по максимуму. Все, что посчитает нужным, распечатавай, только шрифт помельче делай, он там много чего насохранял, наверняка половину можно выбросить. Короче, разберешься. Только следи, чтобы он на какой «шедевр» нашего кинематографа не наткнулся, а то посмотрит на ночь глядя про героических эзков, кровавую гэбню и прочие черенки от лопат, и комп твой от избытка чувств об пол расколотит. На крайняк «Брестскую крепость» ему поставь, в полной режиссерской версии, однозначно впечатлится, в его времени так снимать еще не умели.

– Да уж пригляжу, куда денусь, – ухмыльнулся старший прапорщик. – Он мне, помнится, то же самое насчет тебя говорил. С остальным тоже разберусь, не переживай. Все, потопал я, пока за стоянку в неположенном месте не штрафанули...

* * *

– Вот такая история... – закончил Степан затянувшийся почти на час рассказ. – Веришь? Или доказательства нужны? Только с этим у меня голяк, один свежий шрам от немецкой пули на ребрах. А все остальное у Егорыча осталось, на сохранении, так сказать. Ну, и главный свидетель там же, понятно.

– Да какие доказательства, сынок, издеваешься? – невесело усмехнулся Валерий Сергеевич. – Как я могу собственному сыну не поверить? Тем более боевому офицеру. Да и не шутят, Степа, такими вещами! Война – она всегда дело серьезное, как бы ни называлась и в каких краях ни происходила. Так что верю, конечно. Да и сон тот, про который я тебе рассказывал, тоже своего рода подтверждение. Совпало ведь все, так? И бушлат у тебя был, и автомат трофейный. А руины те – это, я так понимаю, пригороды Новороссийска, которые вы у фрицев раньше времени отбили. Ладно, давай еще по чуть-чуть и про другое поговорим. Хочешь – не хочешь, а к Ткачеву ехать нужно. Комбат – нормальный мужик, адекватный, лет двадцать его знаю. Должен понять и подсказать, как из всей этой непростой ситуёвины выкручиваться...

Разговаривали отец с сыном, разумеется, не в квартире.

Недолгий семейный обед со всеми положенными обнимашками-поцелуями и прочими ахами-охами по поводу «вернувшегося с курсов» сына уже закончился. Мама, отказавшись от помощи («идите уж, знаю я вас, небось, хочется по-мужски пошутиться о том о сем, а тут я и сама справлюсь»), занялась мытьем посуды. Младшая сестра, смущенно чмокнув ставшего каким-то слишком уж *взрослым* брата в колючую щеку, торопливо упорхнула по своим девичьим делам.

Ну, а сильная половина семьи, прихватив ополовиненную поллитровку и нехитрую закуску, перебазировалась в отцовский гараж, где и продолжила – а точнее, начала – весьма непростой разговор.

– Да, вот кстати, – покопавшись в кармане, отец протянул Степану его собственные часы. Те самые, купленные на выпуск из училища и, казалось, с концами потерянные, когда тонул вместе с бэтээром. Только ремешок другой. – Сюрприз, так сказать.

– Бать, но как?! Откуда?!

– Макс... ну, в смысле, подполковник Ткачев передал. На память о пропавшем без вести сыне, блин! Водолазы на дне обнаружили, когда твое, гм, тело разыскивали. Видел бы ты его глаза, когда он мне их отдавал, – хмыкнул Алексеев-старший. – Кстати, автомат твой вместе с разгрузкой и полевой сумкой тоже нашли, так что отписываться за потерю личного оружия и боеприпасов не придется, считай, повезло. Я только ремешок заменил, прежний порвался. Как знал, что еще понадобятся.

– Спасибо, батя... – неожиданно шмыгнул носом морпех – не то от избытка чувств, не то от ощутимо ударившего в голову алкоголя. Здесь, на гражданке, алкоголь отчего-то действовал совершенно не так, как *там*, на войне, где и от половины кружки чистого спирта так не вставляло, как от нескольких рюмок самой обыкновенной магазинной водки. – Вот уж точно всем сюрпризам сюрприз! Будешь смеяться, но часов у меня не имелось с тех самых пор, как в Абрау-Дюрсо в плен попал. Помнишь, я рассказывал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.